

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. Суду при разрешении дела по иску о взыскании ущерба, причиненного работником работодателю, за счет наследственного имущества умершего работника следует определить, имелась ли у работника на момент его смерти признанная в установленном главой 39 ТК РФ порядке имущественная обязанность по возмещению причиненного работодателю ущерба

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 12 июля 2021 г. № 67-КГ21-6-К8*

(Извлечение)

Сельское потребительское общество “Маяк” (далее также — общество, работодатель) 30 июля 2019 г. обратилось в суд с иском к Э., Е., И. (супругу и детям умершего работника общества О.) о взыскании ущерба, причиненного О. обществу, за счет наследственного имущества.

Впоследствии представителем общества иски были уточнены и заявлено требование о взыскании ущерба, причиненного действиями О., с администрации Землянозаимского сельсовета Чановского района Новосибирской области (далее — Землянозаимский сельсовет) как правообладателя выморочного имущества.

В обоснование заявленных требований общество “Маяк” ссылалось на то, что О. с 4 декабря 2013 г. по 21 августа 2018 г. состояла в трудовых отношениях с обществом, работала в должности продавца в магазине, между ней и обществом был заключен договор о полной материальной ответственности за недостачу вверенного ей работодателем имущества, а также за ущерб, возникший у работодателя в результате возмещения им ущерба иным лицам.

По итогам проведенной 31 июля 2018 г. в магазине инвентаризации была выявлена недостача товарно-материальных ценностей в размере 912 650 руб. С результатами инвентаризации О. согласилась и 12 августа 2018 г. внесла в кассу общества в счет погашения недостачи 15 760 руб.

14 августа 2018 г. О. умерла, в связи с чем работодателем 21 августа 2018 г. было издано распоряжение о расторжении с О. трудового договора по п. 6 ч. 1 ст. 83 ТК РФ (смерть работника).

После смерти О. открылось наследство на 1/2 доли в праве собственности на квартиру, а также на 1/2 доли в праве собственности на земельный участок. Рыночная стоимость наследственного имущества составила 253 000 руб.

В наследственном деле О. имеются заявления Э. (супруг), Е. (дочь) и И. (дочь) о том, что ими пропущен срок принятия наследства, которое они не принимали, оформлять свои наследственные права не желают, в суд для восстановления срока принятия наследства и раздела наследственного имущества обращаться не намерены.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением суда апелляционной инстанции, иски общества удовлетворены, в его пользу с администрации Землянозаимского сельсовета в возмещение ущерба за счет наследственного имущества взыскано 253 000 руб.

Определением судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции решение суда первой инстанции и апелляционное определение суда апелляционной инстанции оставлены без изменения.

Разрешая спор и удовлетворяя иски общества “Маяк” о взыскании ущерба за счет наследственного имущества, суд первой инстанции исходил из того, что, по-

скольку О. при исполнении трудовых обязанностей работодателю был причинен материальный ущерб, этот ущерб в связи со смертью О. подлежит возмещению ее наследниками. Установив, что наследники О. — Э. (супруг), Е. (дочь) и И. (дочь) — принадлежавшее ей имущество (1/2 доли в праве собственности на квартиру и земельный участок) в порядке наследования не приняли (путем подачи заявления нотариусу о принятии наследства или путем фактического принятия наследства) и это имущество в силу закона в качестве выморочного перешло в собственность администрации Землянозаимского сельсовета, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что администрация Землянозаимского сельсовета должна отвечать по долгам О. перед работодателем, в связи с чем взыскал с администрации Землянозаимского сельсовета в пользу общества в возмещение ущерба за счет наследственного имущества денежные средства в размере 253 000 руб., т.е. в пределах стоимости наследственного имущества на день смерти О.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием, отметив, что обязанность О. возместить работодателю ущерб носила имущественный характер, причиненный О. работодателю — потребителскому обществу «Маяк» ущерб неразрывно с ее личностью не связан, поэтому обязательства по возмещению этому обществу причиненного О. ущерба с ее смертью не прекратились, а перешли в порядке наследования ее наследникам.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 12 июля 2021 г. признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального и процессуального права, указав следующее.

Пунктом 1 ст. 1110 ГК РФ установлено, что при наследовании имущество умершего (наследство, наследственное имущество) переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства, т.е. в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент, если из правил названного Кодекса не следует иное.

Согласно чч. 1, 2 ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается названным Кодексом или другими законами.

В соответствии с ч. 3 ст. 1112 ГК РФ не входят в состав наследства личные неимущественные права и другие нематериальные блага.

Как указано в ст. 1113 ГК РФ, наследство открывается со смертью гражданина. В силу п. 1 ст. 1114 ГК РФ временем открытия наследства является момент смерти гражданина.

Пунктом 1 ст. 1151 ГК РФ определено, что в случае, если отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию, либо никто из наследников не имеет права наследовать или все наследники отстранены от наследования (ст. 1117), либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника (ст. 1158), имущество умершего считается выморочным.

Круг правообладателей выморочного имущества в зависимости от вида этого имущества указан в п. 2 ст. 1151 ГК РФ.

Так, в порядке наследования по закону в собственности городского или сельского поселения, муниципального района (в части межселенных территорий) либо городского округа переходит выморочное имущество, находящееся на соответствующей территории (за исключением объектов недвижимого имущества, расположенных в городах Москве, Санкт-Петербурге, Севастополе): жилое помещение; земельный участок, а также расположенные на нем здания, сооружения, иные объекты недвижимого имущества; доля в праве общей долевой собственности на эти объекты недвижимого имущества.

В соответствии с п. 1 ст. 1175 ГК РФ наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно (ст. 323). Каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», в состав наследства входит принадлежавшее наследодателю на день открытия наследства имущество, в частности: вещи, включая деньги и ценные бумаги (ст. 128 ГК РФ); имущественные права (в том числе права, вытекающие из договоров, заключенных наследодателем, если иное не предусмотрено законом или договором; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации; права на получение присужденных наследодателю, но не полученных им денежных сумм); имущественные обязанности, в том числе долги в пределах стоимости перешедшего к наследникам наследственного имущества (п. 1 ст. 1175 ГК РФ).

Под долгами наследодателя, по которым отвечают наследники, следует понимать все имевшиеся у наследодателя к моменту открытия наследства обязательства, не прекращающиеся смертью должника (ст. 418 ГК РФ), независимо от наступления срока их исполнения, а равно от времени их выявления и осведомленности о них наследников при принятии наследства (п. 58 названного постановления Пленума Верховного Суда РФ).

Из приведенных нормативных положений и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по их применению следует, что по общему правилу при наследовании имущество умершего лица переходит к другим лицам в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент, т.е. наследование относится к числу производных (основанных на правопреемстве) способов приобретения прав и обязанностей. В состав наследства входят не только принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, имущественные права, но и имущественные обязанности наследодателя, включая его долги в пределах стоимости наследственного имущества. При этом в состав наследства входят только те имущественные обязанности наследодателя, включая его долги, которые существовали или возникли на момент открытия наследства — дату смерти наследодателя. Если у наследодателя на момент его смерти имелись имущественные обязанности, в том числе долги, такие обязанности переходят к его наследникам, принявшим наследство, а в случае их отсутствия — правообладателю выморочного имущества.

Положения приведенных норм права об имущественной обязанности наследодателя, входящей в состав наследства, подлежащих применению к спорным отношениям во взаимосвязи с нормами Трудового кодекса РФ о материальной ответственности работника за ущерб, причиненный работодателю, об основаниях возникновения такой обязанности, судами первой и апелляционной инстанций применены неправильно.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ обратила внимание на то, что, возлагая на администрацию Землянозаимского сельсовета как правообладателя выморочного имущества, оставшегося после смерти О., обязанность по возмещению ущерба, причиненного ею работодателю — потребителскому обществу “Маяк”, и делая вывод о том, что эта обязанность О. носит имущественный характер и неразрывно с ее личностью не связана, поэтому смертью О. не прекращается, а переходит в порядке наследования к ее наследникам, суды первой и апелляционной инстанций, несмотря на то что привели в судебных постановлениях нормы Трудового кодекса РФ о материальной ответственности работника за ущерб, причиненный работодателю, к спорным отношениям эти нормы, определяющие в том числе процедуру привлечения работника к материальной ответственности и, соответственно, момент возникновения у работника имущественной обязанности по возмещению ущерба работодателю, во взаимосвязи с нормами Гражданского кодекса РФ о составе наследства не применили, вследствие чего пришли к ошибочному выводу о том, что у О. имела на момент ее смерти имущественная обязанность по возмещению ущерба работодателю.

Главой 39 “Материальная ответственность работника” ТК РФ урегулированы отношения, связанные с возложением на работника, причинившего работодателю имущественный ущерб, мате-

риальной ответственности, в том числе установлены пределы такой ответственности.

Из нормативных положений данной главы Трудового кодекса РФ (ст.ст. 238, 241, 242, 244, 248) следует, что материальная ответственность работника является самостоятельным видом юридической ответственности и возникает лишь при наличии ряда обязательных условий, к которым относятся: наличие имущественного ущерба у работодателя, противоправность действия (бездействия) работника, причинная связь между противоправным действием (бездействием) работника и имущественным ущербом у работодателя, вина работника в совершении противоправного действия (бездействия), если иное прямо не предусмотрено Трудовым кодексом РФ или иным федеральным законом. Материальная ответственность работника выражается в его обязанности возместить прямой действительный ущерб (в том числе реальное уменьшение наличного имущества работодателя), причиненный работодателю противоправными действиями или бездействием в процессе трудовой деятельности. При этом порядок определения работодателем размера ущерба, причиненного работником, регламентирован положениями ст. 246 ТК РФ, а при проведении работодателем инвентаризации — также нормами Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ “О бухгалтерском учете”.

Основным видом материальной ответственности работника за ущерб, причиненный работодателю, является ограниченная материальная ответственность. Она заключается в обязанности работника возместить причиненный работодателю прямой действительный ущерб, но не свыше установленного законом максимального предела, определяемого в соотношении с размером получаемой им заработной платы. Таким максимальным пределом является средний месячный заработок работника.

Перечень случаев полной материальной ответственности приведен в ст. 243 ТК РФ. Так, в силу п. 1 ч. 1 названной статьи материальная ответственность в полном размере причиненного ущерба возлагается на работника, когда в соответствии с Трудовым кодексом РФ или иными федеральными законами на работника возложена материальная ответственность в полном размере за ущерб, причиненный работодателю при исполнении работником трудовых обязанностей.

Статьей 244 ТК РФ в качестве основания для возложения на работников полной материальной ответственности за недостачу вверенных им товарно-материальных ценностей предусмотрено наличие заключенных между этими работниками и их работодателями письменных договоров о полной индивидуальной или коллективной (бригадной) материальной ответственности.

Реализация работодателем права потребовать от работника возмещения причиненного им ущерба, определенного по правилам, установленным в ст. 246 ТК РФ, осуществляется в порядке и на условиях, предусмотренных ст. 248 ТК РФ, а именно в судебном порядке по иску работодателя о возмещении ущерба, причиненного работни-

ком, или путем достижения работодателем и работником соглашения о погашении причиненного ущерба. Такое соглашение между работником и работодателем, содержащее обязательство работника возместить причиненный работодателю ущерб, подлежит оформлению в письменном виде с обязательным указанием размера ущерба и сроков его погашения. Следовательно, имущественная обязанность работника по возмещению ущерба, причиненного работодателю, возникает: в случае отказа работника от добровольного возмещения ущерба работодателю — со дня вступления в законную силу решения суда о взыскании с работника в пользу работодателя суммы причиненного ущерба, в случае добровольного согласия работника возместить причиненный ущерб полностью или в части — с даты заключения между работником и работодателем письменного соглашения о возмещении ущерба.

Судами первой и апелляционной инстанций приведенные выше нормативные положения Трудового кодекса РФ, определяющие основания, условия и порядок привлечения работника к материальной ответственности за ущерб, причиненный работодателю, и, соответственно, момент возникновения у работника имущественной обязанности возместить этот ущерб, во взаимосвязи с положениями ст. 1112 ГК РФ о составе наследства к спорным отношениям применены не были, вследствие чего имеющие значение для дела обстоятельства судебными инстанциями не определены и не установлены.

Между тем по данному делу юридически значимым являлось выяснение обстоятельств, касающихся того, был ли работодателем соблюден порядок привлечения работника О. к материальной ответственности, установленный ст. 248 ТК РФ, в том числе заключалось ли между потребительским обществом “Маяк” и О. в письменном виде соглашение о добровольном возмещении причиненного ущерба с определением размера этого ущерба и сроков его погашения, была ли О. на момент смерти (день открытия наследства) привлечена к материальной ответственности в порядке, установленном ст. 248 ТК РФ, имелась ли у О. на момент ее смерти признанная в установленном законом порядке имущественная обязанность по возмещению причиненного работодателю ущерба.

От выяснения данных обстоятельств зависело правильное разрешение судом спора по требованию общества о возложении на администрацию Землянозаимовского сельсовета как правообладателя выморочного имущества обязанности возместить ущерб, причиненный работником О. работодателю — потребительскому обществу “Маяк” при исполнении трудовых обязанностей.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе администрации Землянозаимовского сельсовета законность и обоснованность решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не устранил.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия признала неправомерным вывод судебных ин-

станций о том, что администрация Землянозаимовского сельсовета как правообладатель выморочного имущества, оставшегося после смерти О., должна отвечать по долгам О. перед ее работодателем — потребительским обществом “Маяк”, в связи с чем отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

2. Если объект долевого строительства построен (создан) застройщиком с отступлениями от условий договора и (или) иных обязательных требований (в частности по возведению предусмотренных проектной документацией элементов благоустройства), последующее устранение застройщиком указанных недостатков не требует согласия управляющей организации и решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 сентября 2021 г. № 5-КГ21-98-К2

(Извлечение)

Ч. обратилась в суд с иском к управляющей организации многоквартирного дома об устранении препятствий в доступе к проведению монтажных работ по устройству теневого навеса.

В обосновании иска указано следующее. На основании договора купли-продажи от 31 января 2018 г. Ч. является собственником нежилого помещения, право собственности на которое зарегистрировано за истцом в Едином государственном реестре недвижимости.

Основанием приобретения указанного нежилого помещения в собственность являлся договор участия в долевом строительстве от 26 марта 2014 г., заключенный с застройщиком, который в соответствии с требованиями технических регламентов и проектной документации обязался построить и передать участнику долевого строительства нежилое помещение, имеющее целевое назначение “детское образовательное учреждение”.

Проектной документацией, планом благоустройства и озеленения жилого комплекса при детском образовательном учреждении предусмотрено устройство детской площадки, на которой застройщик в соответствии с принятыми на себя обязательствами должен был возвести детскую площадку с тенью навесом, однако данное обязательство не выполнил.

На основании претензии Ч. застройщик принял попытки привести детскую площадку в соответствие с требованиями проектной документации (осуществить монтаж теневого навеса), однако ответчик, являющийся управляющей организацией многоквартирного дома, препятствовал установке навеса на детской площадке, мотивируя свои действия отсутствием соответствующего решения собственников помещений многоквартирного дома.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции

пришел к выводу, что земельный участок с расположенными на нем элементами благоустройства, в том числе детской площадкой, является общим имуществом собственников помещений многоквартирного дома, которые решения об установке теневого навеса на придомовой территории на общем собрании не принимали.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 21 сентября 2021 г. отменила вынесенные по делу судебные постановления, признав выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций не соответствующими нормам материального и процессуального права ввиду следующего.

На основании ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” (в редакции, действовавшей на момент заключения договора участия в долевом строительстве от 26 марта 2014 г.) по договору участия в долевом строительстве (далее также — договор) одна сторона (застройщик) обязуется в предусмотренный договором срок своими силами и (или) с привлечением других лиц построить (создать) многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости и после получения разрешения на ввод в эксплуатацию этих объектов передать соответствующий объект долевого строительства участнику долевого строительства, а другая сторона (участник долевого строительства) обязуется уплатить обусловленную договором цену и принять объект долевого строительства при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости.

В силу п. 1 ч. 4 ст. 4 указанного Закона договор должен содержать определение подлежащего передаче застройщиком конкретного объекта долевого строительства в соответствии с проектной документацией после получения им разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости.

Пунктом 2.1 договора участия в долевом строительстве от 26 марта 2014 г. и приложением к нему назначение принадлежащего истцу нежилого помещения в многоквартирном доме определено как детское образовательное учреждение.

В соответствии с ч. 2 ст. 48 Градостроительного кодекса РФ проектная документация представляет собой документацию, содержащую материалы в текстовой и графической формах и (или) в форме информационной модели и определяющую архитектурные, функционально-технологические, конструктивные и инженерно-технические решения для обеспечения строительства, ре-

конструкции объектов капитального строительства, их частей, капитального ремонта.

План благоустройства с расположением малых архитектурных форм содержится в чертежах раздела инженерно-топографического плана, т.е. в графической части.

Как установлено судом, на топографическом плане (схеме) к заключению государственной экспертизы изображена детская площадка с расположенным на ней теньевым навесом.

Таким образом, объект долевого строительства (нежилое помещение в многоквартирном жилом доме) в соответствии с проектной документацией и договором участия в долевом строительстве от 26 марта 2014 г. должен был возводиться с детской площадкой и расположенным на этой площадке теньевым навесом.

Согласно положениям чч. 1 и 2 ст. 7 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ застройщик обязан передать участнику долевого строительства объект долевого строительства, качество которого соответствует условиям договора, требованиям технических регламентов, проектной документации и градостроительных регламентов, а также иным обязательным требованиям.

В случае если объект долевого строительства построен (создан) застройщиком с отступлениями от условий договора и (или) указанных в ч. 1 ст. 7 названного Закона обязательных требований, приведшими к ухудшению качества такого объекта, или с иными недостатками, которые делают его непригодным для предусмотренного договором использования, участник долевого строительства, если иное не установлено договором, по своему выбору вправе потребовать от застройщика безвозмездного устранения недостатков в разумный срок, соразмерного уменьшения цены договора, возмещения своих расходов на устранение недостатков.

С учетом изложенного и исходя из того, что отсутствие навеса на детской площадке многоквартирного дома, предусмотренного проектной документацией, является строительным недостатком, данный недостаток в соответствии с вышеприведенными требованиями Закона подлежит устранению застройщиком.

Между тем указанные положения Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ к возникшим отношениям сторон судом применены не были.

Вывод суда о необходимости проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме по поводу установки теневого навеса на детской площадке является ошибочным. Вопрос о возведении теневого навеса на площадке детского образовательного учреждения возник не в процессе эксплуатации принадлежащего истцу нежилого помещения; спорный объект был предусмотрен проектной документацией, поэтому не требуется согласия собственников помещений в многоквартирном доме, выраженного в форме решения общего собрания. Возведение детской площадки, предусмотренной проектной документацией, не является увеличением общего имущества многоквартирного дома, так

как возведение элементов благоустройства является условием договора участия в долевом строительстве.

В силу ч. 5 ст. 55²⁴ Градостроительного кодекса РФ эксплуатация зданий, сооружений должна осуществляться в соответствии с требованиями технических регламентов, проектной документации, нормативных правовых актов Российской Федерации, нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов.

В соответствии с ч. 3 ст. 39 ЖК РФ правила содержания общего имущества в многоквартирном доме устанавливаются Правительством РФ.

Подпунктами «е» и «ж» п. 2 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491, предусмотрено, что в состав общего имущества включаются земельный участок, на котором расположен многоквартирный дом и границы которого определены на основании данных государственного кадастрового учета, с элементами озеленения и благоустройства; иные объекты, предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства многоквартирного дома, включая детские и спортивные площадки, расположенные в границах земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом.

В данном случае исходя из проектной документации и условий договора участия в долевом строительстве теневой навес на детской площадке как элемент благоустройства предусматривался изначально и при надлежащем исполнении застройщиком своих обязательств должен был войти в состав общего имущества многоквартирного дома.

Обязанность установления теневых навесов на территориях дошкольных организаций следует из п. 3.9 СанПиН 2.4.1.3049-13 «Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию и организации режима работы дошкольных образовательных организаций», утвержденных постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 15 мая 2013 г. № 26, а также из п. 3.2.1 ныне действующих санитарных правил СП 2.4.3648-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи», утвержденных постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 28 сентября 2020 г. № 28.

В п. 5.22 Московских городских строительных норм (МГСН) 4.07-05 «Дошкольные образовательные учреждения», утвержденных постановлением Правительства Москвы от 21 ноября 2006 г. № 911-ПП, указано, что при малых и малокомплектных дошкольных образовательных учреждениях, предусматриваемых встроенными в первые этажи жилых домов или блокируемыми с жилыми домами, а также у прогулочных групп в качестве игровой территории допускается предусматривать только групповые площадки с теневыми навесами, размещаемые на придомовой территории, с необходимыми отступами от зданий и санитарными разрывами между площадками.

Таким образом, теневой навес, спроектированный при застройке жилого дома, является обязательным элементом общего имущества многоквартирного дома, служит для удовлетворения потребностей неопределенного круга лиц (собственников помещений многоквартирного жилого дома, воспитанников дошкольного образовательного учреждения), не создавая при этом каких-либо препятствий в пользовании детской площадкой собственникам помещений многоквартирного дома.

Однако названные выше обстоятельства, имеющие юридическое значение для правильного разрешения спора, не вошли в предмет доказывания, на обсуждение сторон не ставились и правовой оценки судебных инстанций по правилам, установленным ст.ст. 67 и 71 ГПК РФ, не получили.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Услуги режиссера (по подбору актерского состава, выбору мест для проведения натурных съемок, формированию творческого состава съемочной группы), оказанные на основании договора о создании аудиовизуального произведения, заключенного с продюсером, и имеющие для последнего потребительскую ценность, подлежат оплате, даже если соответствующие действия режиссера не привели к созданию конкретного аудиовизуального произведения, ради которого был заключен договор

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 15 апреля 2021 г. № 305-ЭС20-22942*

(Извлечение)

Между обществом (продюсером) и предпринимателем (режиссером) заключен договор, по условиям которого предприниматель принял на себя обязательство оказать услуги режиссера по созданию аудиовизуального произведения — игрового полнометражного фильма, в соответствии с утвержденным продюсером литературным сценарием, а также передать продюсеру исключительные права на использование фильма и иных объектов интеллектуальных прав, созданных в результате оказания режиссерских услуг.

В связи с непредоставлением предпринимателем к сроку режиссерского сценария общество отказалось от исполнения договора и обратилось в суд с иском к предпринимателю о взыскании неосновательного обогащения в виде суммы перечисленного обществом аванса и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа, требования общества удовлетворены.

Суды признали правомерным односторонний отказ общества от исполнения договора и пришли к выводу о возникновении на стороне предпринимателя неосновательного обогащения исходя из отсутствия доказательств создания режиссером сценария, оказания им режиссерских услуг по договору на внесенную сумму аванса либо осуществления равноценного встречного предоставления. Суды указали, что целью договора являлось создание игрового полнометражного фильма, в связи с чем только физические действия ответчика без получения их результата, оказание какой-либо единичной услуги без оказания остальных услуг и без передачи прав на результат интеллектуальной деятельности для истца не имеют потребительской ценности.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 15 апреля 2021 г. отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

При заключении договора стороны исходили из того, что договор является смешанным, и установили, что к отношениям сторон в части раздела “Оказание режиссерских услуг” применяются нормы Гражданского кодекса РФ, регламентирующие отношения, вытекающие из договора возмездного оказания услуг; к отношениям в части раздела “Исключительные права, авторские и иные права. Ответственность сторон” — нормы Кодекса, регулирующие права на результаты интеллектуальной деятельности.

В соответствии с п. 1 ст. 779 и п. 1 ст. 781 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить оказанные ему услуги в сроки и в порядке, которые указаны в договоре возмездного оказания услуг.

Как разъяснено в п. 3.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П, давая нормативную дефиницию договора возмездного оказания услуг, федеральный законодатель в п. 1 ст. 779 ГК РФ предметом данного договора называет совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности исполнителем. Определяя исчерпывающим образом такое существенное условие договора, как его предмет, федеральный законодатель не включил в понятие предмета договора возмездного оказания услуг достижение результата, ради которого он заключается. Выделение в качестве предмета данного договора совершения определенных действий или осуществления определенной деятельности обусловлено тем, что даже в рамках одного вида услуг результатов, ради которого заключается договор, в каждом конкретном случае не всегда достижим, в том числе в силу объективных причин. Следовательно, заключая договор возмездного оказания услуг, стороны, будучи свободными в определении цены договора, сроков его исполнения, порядка и размера оплаты, вместе с тем не вправе изменять императивное требование закона о предмете данного договора.

В рассматриваемом случае из анализа положений договора, подписанного продюсером и режиссером, усматривается, что перечень услуг ответчика предусматривает как деятельность, в результате которой непосредственно создается результат интеллектуальной деятельности, так и деятельность, связанную с административными функциями ответчика.

Согласно положениям п. 2.1 договора режиссер обязуется оказывать продюсеру услуги по постановке фильма. Данное обязательство режиссера состоит из разработки режиссерского сценария на основе утвержденного продюсером литературного сценария, разработки постановочного проекта, художественного руководства процессом съемок фильма, художественного руководства и контроля за осуществлением работ монтажно-тонировочного периода, оказания других услуг в соответствии с обычно предъявляемыми к режиссеру-постановщику фильма требованиями в сфере кинопроизводства.

Подготовительный период производства фильма в силу п. 3 договора включает в себя разработку режиссером режиссерского сценария, участие в формировании творческого состава съемочной группы, создание экспликации музыкального оформления фильма, определение изобразительной трактовки фильма, количественного состава исполнителей эпизодических ролей, участников массовых сцен, осуществление подбора актерского состава, фотопроб и видеопроб актеров, выбор мест для проведения натурных съемок, приемку эскизов по декорациям и костюмам и т.д.

Удовлетворяя иск, суд указал на то, что целью договора являлось создание игрового полнометражного фильма, в связи с чем только физические действия ответчика без получения их результата, оказание какой-либо единичной услуги без оказания остальных услуг и без передачи прав на результат интеллектуальной деятельности для истца не имеют потребительской ценности.

Однако суд не учел, что режиссер уведомлением выразил намерение отказаться от исполнения договора, стороны направили друг другу уведомления о расторжении договора до окончания подготовительного периода, в связи с чем к этому моменту обусловленный договором результат не мог быть достигнут.

Суд первой инстанции указал на то, что ответчик не представил доказательств, подтверждающих выполнение каких-либо работ или несение каких-либо затрат по договору, а также передачи истцу результатов работ (услуг) в сроки, установленные договором, либо направления истцу соответствующих актов и документов для подписания (согласования).

Однако из условий договора не усматривается согласование сторонами оформления промежуточных документов, составления актов приемки-передачи в подтверждение оказания отдельных услуг, входящих в подготовительный период (о результатах подбора актерского состава, выбора мест для проведения натурных съемок и т.д.), поэтому отсутствие подписанных документов и актов не может служить самостоятельным основа-

нием, опровергающим факт оказания услуг, и ограничивать ответчика в праве на подтверждение их оказания иными доказательствами.

Предприниматель, в частности, ссылается на представление им доказательств, свидетельствующих об осуществлении подбора актерского состава, фотопроб и видеопроб актеров, выбора мест для проведения натурных съемок, об участии в формировании творческого состава съемочной группы и оказании других услуг, которым судом не дана оценка.

Представители общества в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ не отрицали факт оказания предпринимателем определенных услуг, ссылаясь в то же время на невозможность определения их стоимости, при этом пояснили, что расторжение договора было вызвано очевидной невозможностью создания этим режиссером обусловленного договором режиссерского сценария.

Судебная коллегия отметила, что согласно материалам дела общество задолго до расторжения договора с предпринимателем параллельно начало вести работы по созданию фильма с аналогичным названием с другим режиссером. Ссылаясь на завершение подготовительного периода с участием иного режиссера, суды не исследовали вопрос о наличии потребительской ценности результата оказанных предпринимателем услуг для исполнения другого договора, а также оставили без внимания тот факт, что в представленном в департамент кинематографии постановочном проекте среди актеров главных ролей значится актер, отобранный режиссером на кастинге по настоящему договору, что также указывает на преждевременность выводов суда о расторжении договора продюсером по вине режиссера.

Таким образом, суды не установили достоверно правовую природу отношений, сделав вывод со ссылкой на положения ст.ст. 1288—1289 ГК РФ о возникновении на стороне ответчика неосновательного обогащения ввиду недостижения им цели договора — создания аудиовизуального произведения — игрового полнометражного фильма, невыполнения всего комплекса возложенных на него обязанностей, связав необходимость возврата денежных средств с отсутствием режиссерского сценария.

Кроме того, суды не рассмотрели во взаимосвязи и не сопоставили условия договора, регулирующие оказание режиссерских услуг и их оплату, с условиями о расчете денежного вознаграждения и о выплате денежных сумм, причитающихся режиссеру в случае досрочного прекращения действия договора, содержащимися в пп. 6.3, 13.1 договора.

Так, в соответствии с п. 6.3 договора расчет вознаграждения, причитающегося режиссеру на момент, предшествующий досрочному, не зависящему от продюсера прекращению действия договора, производится исходя из фактически отработанных режиссером дней; п. 13.1 договора также предусмотрена денежная выплата режиссеру за период выполнения им обязательств в случае расторжения договора продюсером в одностороннем

порядке вследствие неисполнения обязательств со стороны режиссера.

При этом договор не содержит условий об освобождении продюсера от обязательства по выплате причитающихся режиссеру денежных сумм при досрочном прекращении действия договора.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Абзац 8 письма ФНС России от 2 февраля 2021 г. № БС-4-11/1183@ в части, предусматривающей, что у адвокатов, получающих пенсию за выслугу лет или по инвалидности в соответствии Законом РФ “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей”, обязанность по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование прекращается с 11 января 2021 г., а не с 10 января 2021 г., признан не действующим со дня принятия

*Определение Апелляционной коллегии
Верховного Суда РФ
от 28 сентября 2021 г. № АПЛ21-341*

(Извлечение)

Федеральная налоговая служба в связи с принятием Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 502-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации” (далее — Закон № 502-ФЗ) 2 февраля 2021 г. издала письмо № БС-4-11/1183@ (далее — Письмо), касающееся вопросов подачи в налоговый орган заявления о прекращении обязанности по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование.

В Письме, в частности, указано, что Законом № 502-ФЗ ст.ст. 6 и 7 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ “Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации” (далее — Закон об обязательном пенсионном страховании) дополнены положениями в части исключения из числа страхователей и застрахованных лиц адвокатов, являющихся получателями пенсии за выслугу лет или пенсии по инвалидности в соответствии с Законом РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей” (далее — Закон № 4468-I) и не вступивших добро-

вольно в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию (абз. 2).

Для отнесения физического лица к пенсионеру, получающему пенсию за выслугу лет или по инвалидности, в соответствии с Законом № 4468-I и в целях прекращения у адвоката обязанности по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование ему необходимо обратиться в налоговый орган по месту жительства с заявлением о прекращении обязанности по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование по рекомендуемой форме (КНД 1150118) с представлением копии пенсионного удостоверения (абз. 6).

В случае, если в пенсионном удостоверении не указано, что пенсия за выслугу лет или по инвалидности назначена в соответствии с Законом № 4468-I, дополнительно представляется справка из федерального ведомства, осуществляющего его пенсионное обеспечение, о подтверждении факта получения пенсии в соответствии с Законом № 4468-I (абз. 7).

В абз. 8 Письма разъяснено, что в связи со вступлением Закона № 502-ФЗ в силу с 10 января 2021 г. у адвокатов, получающих пенсию за выслугу лет или по инвалидности в соответствии с Законом № 4468-I, обязанность по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование прекращается с 11 января 2021 г.

У., являющийся адвокатом с 2017 года и получающий пенсию за выслугу лет на основании Закона № 4468-I с 2013 года, обратился в Верховный Суд РФ с административным иском заявлением, в котором просил признать недействующим абз. 8 Письма. В обоснование заявления он ссылаясь на то, что Постановлением Конституционного Суда РФ от 28 января 2020 г. № 5-П (далее — Постановление № 5-П) подп. 2 п. 1 ст. 6, п. 22 ст. 22 и п. 1 ст. 28 Закона об обязательном пенсионном страховании, подп. 2 п. 1 ст. 419 НК РФ, ч. 4 ст. 7 Закона № 4468-I, чч. 2, 3 ст. 8, ч. 18 ст. 15 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ “О страховых пенсиях” (далее — Закон о страховых пенсиях) в их взаимосвязи с абз. 3 п. 1 ст. 7 Закона об обязательном пенсионном страховании признаны не соответствующими ч. 1 ст. 7, ч. 2 ст. 8, чч. 1, 2 ст. 19, ч. 1 ст. 35, чч. 1, 2 ст. 39, чч. 2, 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они характеризуются неопределенностью нормативного содержания применительно к объему и условиям формирования и реализации в системе обязательного пенсионного страхования пенсионных прав адвокатов из числа военных пенсионеров, надлежащим образом исполняющих обязанности страхователя по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование (п. 2 резолютивной части Постановления № 5-П).

Решением Верховного Суда РФ от 1 июля 2021 г. в удовлетворении административного искового заявления административному истцу отказано.

Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ 28 сентября 2021 г. отменила названное решение Верховного Суда РФ, указав следующее.

В п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 “О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами” разъяснено, что существенными признаками, характеризующими акты, содержащие разъяснения законодательства и обладающие нормативными свойствами, являются: издание их органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, уполномоченными организациями или должностными лицами, наличие в них результатов толкования норм права, которые используются в качестве общеобязательных в правоприменительной деятельности в отношении неопределенного круга лиц.

Согласно ст. 217¹ КАС РФ административные дела об оспаривании актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами (далее также — акты, обладающие нормативными свойствами), рассматриваются и разрешаются судом в порядке, установленном главой 21 данного Кодекса, с особенностями, определенными этой статьей (ч. 1).

При рассмотрении административного дела об оспаривании акта, обладающего нормативными свойствами, суд выясняет: нарушены ли права, свободы и законные интересы административного истца или лиц, в интересах которых подано административное исковое заявление; обладает ли оспариваемый акт нормативными свойствами, позволяющими применить его неоднократно в качестве общеобязательного предписания в отношении неопределенного круга лиц; соответствуют ли положения оспариваемого акта действительному смыслу разъясняемых им нормативных положений (ч. 3).

По результатам рассмотрения административного дела об оспаривании акта, обладающего нормативными свойствами, суд принимает одно из следующих решений: об удовлетворении заявленных требований полностью или в части, если оспариваемый акт полностью или в части не соответствует действительному смыслу разъясняемых им нормативных положений, устанавливает не предусмотренные разъясняемыми нормативными положениями общеобязательные правила, распространяющиеся на неопределенный круг лиц и рассчитанные на неоднократное применение, и о признании этого акта не действующим полностью или в части со дня его принятия или с иной определенной судом даты; об отказе в удовлетворении заявленных требований, если оспариваемый акт полностью или в части не обладает нормативными свойствами и соответствует содержанию разъясняемых им нормативных положений (пп. 1, 2 ч. 5).

Как указано в пп. 1, 4, подп. 5.6 п. 5 Положения о Федеральной налоговой службе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506, ФНС России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за

правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет налогов, сборов и страховых взносов, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет иных обязательных платежей; бесплатно информирует (в том числе в письменной форме) налогоплательщиков, плательщиков сборов, плательщиков страховых взносов о действующих налогах, сборах и страховых взносах, законодательстве о налогах и сборах и принятых в соответствии с ним нормативных правовых актах, порядке исчисления и уплаты налогов, сборов и страховых взносов, правах и обязанностях налогоплательщиков, плательщиков сборов, плательщиков страховых взносов, полномочиях налоговых органов и их должностных лиц, а также представляет формы налоговой отчетности и разъясняет порядок их заполнения. ФНС России осуществляет свою деятельность непосредственно и через свои территориальные органы во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и государственными внебюджетными фондами, общественными объединениями и иными организациями.

Исходя из предписаний подп. 6.4 п. 6 названного Положения ФНС России имеет право осуществлять контроль за деятельностью своих территориальных органов и подведомственных организаций, который может выражаться в том числе в виде доведения до территориальных органов писем, разъясняющих отдельные вопросы организации их работы.

Таким образом, Письмо, разъясняющее отдельные вопросы, связанные со вступлением в силу Закона № 502-ФЗ, и направленное для сведения в территориальные органы ФНС России, издано административным ответчиком в пределах его компетенции при реализации возложенных на него функций и задач.

Оспаривая абз. 8 Письма, административный истец исходил из того, что на основании п. 2 резолютивной части Постановления № 5-П во взаимосвязи с положениями ст. 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ “О Конституционном Суде Российской Федерации” его обязанность по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование как адвоката, получающего пенсию на условиях и в порядке, предусмотренных Законом № 4468-І, прекратилась со дня вступления в законную силу названного Постановления (т.е. с 30 января 2020 г.), в то время как в соответствии с оспариваемым разъяснением данная обязанность прекращается с 11 января 2021 г. (после вступления в силу Закона № 502-ФЗ).

Между тем для правильного разрешения настоящего административного дела необходимо учитывать также п. 1 резолютивной части Постановления № 5-П, согласно которому подп. 2 п. 1 ст. 6, п. 2² ст. 22, п. 1 ст. 28 Закона об обязательном пенсионном страховании, подп. 2 п. 1 ст. 419

НК РФ, ч. 4 ст. 7 Закона № 4468-І, чч. 2, 3 ст. 8, ч. 18 ст. 15 Закона о страховых пенсиях в их взаимосвязи с абз. 3 п. 1 ст. 7 Закона об обязательном пенсионном страховании признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они, признавая адвокатов из числа военных пенсионеров страхователями по обязательному пенсионному страхованию, возлагают на них обязанность по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование с целью обеспечения их права на получение обязательного страхового обеспечения по обязательному пенсионному страхованию.

В п. 2 резолютивной части Постановления № 5-П указанные выше нормы федерального законодательства были признаны не соответствующими ч. 1 ст. 7, ч. 2 ст. 8, чч. 1, 2 ст. 19, ч. 1 ст. 35, чч. 1, 2 ст. 39, чч. 2, 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они характеризуются неопределенностью нормативного содержания применительно к объему и условиям формирования и реализации в системе обязательного пенсионного страхования пенсионных прав адвокатов из числа военных пенсионеров, надлежащим образом исполняющих обязанности страхователя по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование.

Как следует из содержания Постановления № 5-П, Конституционным Судом РФ были выявлены пробелы в перечисленных нормах законодательства в части того, что условия для возникновения права на получение страховой пенсии по старости адвокатами из числа военных пенсионеров и приравненных к ним лиц при недостижении ими индивидуального пенсионного коэффициента заданной величины (не менее 30) и неприобретении страхового стажа необходимой продолжительности (не менее 15 лет) не позволяют рассчитывать данным лицам, достигшим общеустановленного пенсионного возраста 65 и 60 лет (мужчины и женщины соответственно), на получение страховой пенсии по старости, несмотря на добросовестную уплату указанными лицами в период осуществления ими деятельности в качестве адвокатов страховых взносов на обязательное пенсионное страхование. Следовательно, при недостижении названных условий адвокаты из числа военных пенсионеров и приравненных к ним лиц лишаются права на получение второго вида пенсии — страховой пенсии по старости.

Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что нормативное содержание положений подп. 2 п. 1 ст. 6, п. 2² ст. 22, п. 1 ст. 28 Закона об обязательном пенсионном страховании, подп. 2 п. 1 ст. 419 НК РФ, ч. 4 ст. 7 Закона № 4468-І, чч. 2, 3 ст. 8, ч. 18 ст. 15 Закона о страховых пенсиях в их взаимосвязи между собой, а также с абз. 3 п. 1 ст. 7 Закона об обязательном пенсионном страховании допускает возможность участия адвокатов из числа военных пенсионеров в системе обязательного пенсионного страхования в отсутствие гарантий предоставления им защиты от социальных страховых рисков.

В связи с отсутствием корреляции между порядком и условиями формирования и реализации

пенсионных прав адвокатов из числа военных пенсионеров (приравненных к ним лиц) и иных категорий застрахованных граждан на получение страховой пенсии по старости Конституционный Суд РФ указал, что федеральному законодательству необходимо устранить подобные пробелы действующего законодательства в целях соблюдения государством гарантий на пенсионное обеспечение всех застрахованных граждан при достижении ими общеустановленного пенсионного возраста.

В п. 3 резолютивной части Постановления № 5-П Конституционный Суд РФ предписал федеральному законодательству незамедлительно принять меры по устранению неопределенности нормативных предписаний приведенных выше законоположений применительно к объему, а также условиям формирования и реализации в системе обязательного пенсионного страхования пенсионных прав адвокатов из числа военных пенсионеров в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, выраженными в названном Постановлении.

Таким образом, суд первой инстанции правильно указал в решении, что само по себе наличие обязанности адвокатов из числа военных пенсионеров и приравненных к ним лиц по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование во взаимосвязи с наличием права таких лиц на одновременное получение двух пенсий (по государственному пенсионному обеспечению и страховой пенсии по старости) признано Конституционным Судом РФ не противоречащим Конституции Российской Федерации.

В целях исполнения Постановления № 5-П в качестве одной из мер по устранению выявленных Конституционным Судом РФ пробелов в законодательстве 30 декабря 2020 г. был принят Закон № 502-ФЗ.

Указанным Законом внесены изменения в Закон об обязательном пенсионном страховании (ст.ст. 6, 7 и 29), согласно которым адвокаты, получающие пенсию за выслугу лет или по инвалидности в соответствии с Законом № 4468-I, исключены из числа страхователей и застрахованных лиц с предоставлением им права добровольного вступления в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию.

Статьей 6 Федерального закона от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ “О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания” определено, что федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты палат Федерального Собрания вступают в силу одновременно на всей территории Российской Федерации по истечении 10 дней после дня их официального опубликования, если самими законами или актами палат не установлен другой порядок вступления их в силу.

Закон № 502-ФЗ опубликован 30 декабря 2020 г. на “Официальном интернет-портале правовой информации” (www.pravo.gov.ru). С учетом того, что данный Закон не содержит нормы об ином порядке его вступления в силу, он вступил в силу по истечении 10 дней после дня его офици-

ального опубликования, т.е. 10 января 2021 г. Тем самым адвокаты из числа военных пенсионеров и приравненных к ним лиц, получающие пенсию в соответствии с Законом № 4468-I, освобождены от обязанности по уплате за себя страховых взносов на обязательное пенсионное страхование с названной даты.

Между тем в оспариваемом абзаце Письма указано, что такая обязанность адвокатов прекращается не с 10 января 2021 г., а с 11 января 2021 г. Данное разъяснение не может быть признано правильным, так как не соответствует действительному смыслу разъясняемых им нормативных положений.

В связи с изложенным Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ решение Верховного Суда РФ от 1 июля 2021 г. изменила, признав не действующим со дня принятия абз. 8 письма ФНС России от 2 февраля 2021 г. № БС-4-11/1183@ в части, предусматривающей, что у адвокатов, получающих пенсию за выслугу лет или по инвалидности в соответствии с Законом РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей”, обязанность по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование прекращается с 11 января 2021 г., а не с 10 января 2021 г. В остальной части решение оставлено без изменения.

2. Пункт 20 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 4 июля 2013 г. № 565, в части, предусматривающей полномочия военного комиссара муниципального образования (муниципальных образований) в случае невозможности вынесения медицинского заключения о годности гражданина к военной службе по состоянию здоровья в ходе освидетельствования гражданина на основании решения комиссии по постановке граждан на воинский учет, призывной комиссии, принятого по заключению врачей-специалистов, направлять в медицинскую организацию государственной или муниципальной систем здравоохранения на обследование в амбулаторных или стационарных условиях для уточнения диагноза заболевания, признан не действующим со дня вступления в законную силу решения суда

*Решение Верховного Суда РФ
от 27 сентября 2021 г. № АКПИ21-534,
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Согласно абз. 1 п. 20 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 4 июля 2013 г.

№ 565 (далее также — Положение), в случае невозможности вынесения медицинского заключения о годности гражданина к военной службе по состоянию здоровья в ходе освидетельствования гражданин на основании решения комиссии по постановке граждан на воинский учет, призывной комиссии или военного комиссара муниципального образования (муниципальных образований), принятого по заключению врачей-специалистов, направляется в медицинскую организацию государственной или муниципальной систем здравоохранения на обследование в амбулаторных или стационарных условиях для уточнения диагноза заболевания.

М. обратился в Верховный Суд РФ с административным иском о признании частично недействующим п. 20 Положения, ссылаясь на то, что оспариваемые положения нормативного правового акта не соответствуют п. 4 ст. 5¹ Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ “О воинской обязанности и военной службе” (в ред. Федерального закона от 30 апреля 2021 г. № 131-ФЗ), ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ “Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов”, ст. 3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ “О противодействии коррупции” в части наделения военного комиссара муниципального образования (муниципальных образований) полномочиями по направлению допризывников и призывников на дополнительное медицинское обследование.

По мнению административного истца, п. 4 ст. 5¹ Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” в предыдущей редакции не устанавливал конкретных субъектов права, наделяемых полномочиями по направлению допризывников и призывников на дополнительное медицинское обследование, а в новой редакции указанная норма устанавливает исчерпывающий перечень субъектов права, наделяемых такими полномочиями, военные комиссары в него не включены.

Верховный Суд РФ 27 сентября 2021 г. заявленные требования удовлетворил, указав следующее.

Согласно ст. 5 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ “О Правительстве Российской Федерации” Правительство РФ на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов, распоряжений и поручений Президента Российской Федерации издает постановления и распоряжения, а также обеспечивает их исполнение. Акты Правительства РФ, имеющие нормативный характер, издаются в форме постановлений Правительства РФ.

Аналогичные полномочия Правительства РФ на момент принятия оспариваемого нормативного правового акта содержались в ст. 23 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ “О Правительстве Российской Федерации”.

Исходя из положений чч. 1 и 2 ст. 61 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” военно-врачебная экспертиза проводится, в частности, с целью определения годности к военной службе (приравненной к ней службе); положение о военно-врачебной экспертизе, предусматривающее в том числе порядок проведения медицинского обследования и медицинского освидетельствования граждан при постановке их на воинский учет, призыве на военную службу, утверждается Правительством РФ.

Во исполнение требований федерального законодателя Правительство РФ постановлением от 4 июля 2013 г. № 565 утвердило Положение о военно-врачебной экспертизе (действовало во время рассмотрения искового заявления в редакции постановления Правительства РФ от 1 июня 2020 г. № 803).

Вступившими в законную силу решениями Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № АКПИ13-1150, от 18 октября 2017 г. № АКПИ17-650 и от 15 августа 2018 г. № АКПИ18-588 установлено, что Положение утверждено Правительством РФ во исполнение полномочия, возложенного на него федеральным законом, с соблюдением формы и порядка введения его в действие.

Раздел II Положения регулирует вопросы обследования и освидетельствования граждан при первоначальной постановке на воинский учет и призыве на военную службу.

Оспариваемые положения нормативного правового акта предусматривают направление граждан в медицинскую организацию государственной или муниципальной систем здравоохранения на обследование в амбулаторных или стационарных условиях для уточнения диагноза заболевания как на основании решения комиссии по постановке граждан на воинский учет, призывной комиссии, так и военного комиссара муниципального образования (муниципальных образований).

Абзац 1 п. 20 Положения был предметом судебного контроля. Вступившим в законную силу решением Верховного Суда РФ от 29 июня 2020 г. по административному делу № АКПИ20-50 отказано в удовлетворении административного искового заявления гражданина В. о признании недействующими абз. 1 п. 20 Положения, абз. 1—8, 14, 15 пояснений к ст. 18 раздела II “Расписание болезней” Требований к состоянию здоровья граждан при первоначальной постановке на воинский учет, призыве на военную службу (военные сборы), граждан, поступающих на военную службу по контракту, граждан, поступающих в военно-учебные заведения, военнослужащих, граждан, пребывающих в запасе Вооруженных Сил РФ (приложение № 1 к Положению).

Федеральным законом от 30 апреля 2021 г. № 131-ФЗ внесены изменения в п. 4 ст. 5¹ Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе”, согласно которым в случае невозможности вынесения медицинского заключения о годности гражданина к военной службе по состоянию здоровья в ходе медицинского освиде-

тествования граждан направляется на основании решения комиссии по постановке граждан на воинский учет или призывной комиссии, принятого по заключению врачей-специалистов, принимавших участие в медицинском освидетельствовании, на амбулаторное или стационарное медицинское обследование в медицинскую организацию государственной системы здравоохранения (за исключением медицинской организации, подведомственной федеральному органу исполнительной власти) или медицинскую организацию муниципальной системы здравоохранения, включенную в перечень медицинских организаций, проводящих медицинское обследование граждан, указанных в п. 1 данной статьи.

Регулируя вопросы обследования и освидетельствования граждан при первоначальной постановке на воинский учет и призыве на военную службу, п. 20 Положения предусматривает направление этих лиц в медицинскую организацию государственной или муниципальной систем здравоохранения на обследование в амбулаторных или стационарных условиях для уточнения диагноза заболевания в случае невозможности вынесения медицинского заключения о годности гражданина к военной службе по состоянию здоровья в ходе освидетельствования на основании решения комиссии по постановке граждан на воинский учет, призывной комиссии или военного комиссара муниципального образования (муниципальных образований), принятого по заключению врачей-специалистов, что не соответствует п. 4 ст. 5¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Осуществляя правовое регулирование в области воинской обязанности и военной службы, названный Закон в ст. 1 устанавливает, что воинская обязанность граждан предусматривает: воинский учет, обязательную подготовку к военной службе, призыв на военную службу, прохождение военной службы по призыву, пребывание в запасе, призыв на военные сборы и прохождение военных сборов в период пребывания в запасе.

Указанный Закон в ст. 9 не регламентирует вопросы медицинского освидетельствования и медицинского обследования граждан в связи с исполнением воинской обязанности.

С учетом изложенного Верховный Суд РФ признал п. 20 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 4 июля 2013 г. № 565, в части, предусматривающей полномочия военного комиссара муниципального образования (муниципальных образований) в случае невозможности вынесения медицинского заключения о годности гражданина к военной службе по состоянию здоровья в ходе освидетельствования гражданина на основании решения комиссии по постановке граждан на воинский учет, призывной комиссии, принятого по заключению врачей-специалистов, направлять в медицинскую организацию государственной или муниципальной систем здравоохранения на обследование в амбулаторных или стационарных условиях для

уточнения диагноза заболевания, не действующим со дня вступления в законную силу решения суда.

- 3. Оспариваемые частично абз. 3 п. 4, абз. 6 п. 5, абз. 6 п. 12 изменений, которые вносятся в Правила предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2020 году юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на возобновление деятельности, утвержденных постановлением Правительства РФ от 30 ноября 2020 г. № 1976, признаны не противоречащими федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ
от 1 сентября 2021 г. № АКПИ21-474,
вступившее в законную силу*

- 4. Оспариваемый частично абз. 10 п. 5.2 положения Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» признан не противоречащим федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ
от 23 августа 2021 г. № АКПИ21-487,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 16 ноября 2021 г. № АПЛ21-431*

- 5. Оспариваемые частично строки 5, 6 таблицы, содержащейся в п. 1 классификатора работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность, утвержденного приказом Минздрава России от 19 августа 2021 г. № 866н, признаны не противоречащими федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ
от 13 сентября 2021 г. № АКПИ21-489,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 16 декабря 2021 г. № АПЛ21-469*

- 6. Оспариваемое частично примечание к п. 8.1 свода правил СП 4.13130.2013 «Системы противопожарной защиты. Ограничение распространения пожара на объектах защиты. Требования к объемно-планировочным и конструктивным решениям», утвержденного приказом МЧС России от 24 апреля 2013 г. № 288, в редакции приказа МЧС России от 14 февраля 2020 г. № 89, признано не противоречащим федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ
от 6 сентября 2021 г. № АКПИ21-510,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 30 ноября 2021 г. № АПЛ21-452*

7. Оспариваемые частично абз. 13 п. 16 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295, п. 25 приложения № 1 к данным Правилам признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 14 сентября 2021 г. № АКПИ21-497, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 16 декабря 2021 г. № АПЛ21-467

8. Оспариваемый частично п. 3 Положения о ведении реестра лиц, осуществлявших функции единоличного исполнительного органа лицензиата, лицензия которого аннулирована, а также лиц, на которых уставом или иными документами лицензиата возложена ответственность за соблюдение требований к обеспечению надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме и в отношении которых применено административное наказание в виде дисквалификации, индивидуальных предпринимателей, лицензия которых аннулирована и (или) в отношении которых применено административное наказание в виде дисквалификации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 28 октября 2014 г. № 1110, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 15 сентября 2021 г. № АКПИ21-491, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № АПЛ21-482

9. Пункт 1 главы I (в части) и глава III Порядка выдачи свидетельств о подготовке водителей автотранспортных средств, перевозящих опасные грузы, и утверждения курсов такой подготовки, утвержденного приказом Минтранса России от 30 июля 2020 г. № 265, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 30 августа 2021 г. № АКПИ21-505, вступившее в законную силу

10. Пункт 19 Порядка определения нормативов запасов топлива на источниках тепловой энергии (за исключением источников тепловой энергии, функционирующих в режиме комбинированной выработки электрической и тепловой энергии), утвержденного приказом Минэнерго России от 10 августа 2012 г. № 377, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 6 сентября 2021 г. № АКПИ21-520, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 14 декабря 2021 г. № АПЛ21-461

11. Формула 9(5) приложения № 2 к Правилам предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденным постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, признана не противоречащей федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 27 сентября 2021 г. № АКПИ21-550, вступившее в законную силу

12. Оспариваемые частично пп. 5, 6 Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 26 июня 2008 г. № 475, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 8 сентября 2021 г. № АКПИ21-524, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 30 ноября 2021 г. № АПЛ21-451

13. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 26 июня 2021 г. № 16 “О внесении изменения в санитарные правила и нормы СанПиН 2.1.3684-21 “Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий”, утвержденные постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 28.01.2021 № 3” признано не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 20 сентября 2021 г. № АКПИ21-626, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № АПЛ21-479

14. Письмо Росздравнадзора от 5 февраля 2016 г. № 09-С-571-1414 признано не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 16 августа 2021 г. № АКПИ21-444, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 11 ноября 2021 г. № АПЛ21-418

15. Абзац 2 пояснений по ведению личного дела призывника и учетной карты призывника приложения № 8 к Инструкции по подготовке и проведению мероприятий, связанных с призывом на военную службу граждан Российской Федерации, не пребывающих в запасе, утвержденной приказом Министра обороны РФ от 2 октября 2007 г. № 400, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 9 сентября 2021 г. № АКПИ21-585,
вступившее в законную силу*

16. Оспариваемый частично п. 225.1 Разъяснений о классификации в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза отдельных товаров, утвержденных приказом ФТС России от 14 января 2019 г. № 28, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 7 октября 2021 г. № АКПИ21-612,
вступившее в законную силу*

17. Оспариваемый частично п. 1 предмета охраны исторического поселения федерального значения город Плес Ивановской области (приложение № 2), утвержденного приказом Минкультуры России от 26 декабря 2014 г. № 2450, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 21 сентября 2021 г. № АКПИ21-643,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 23 декабря 2021 г. № АПЛ21-483*

18. Оспариваемые частично пп. 4, 6, 7, 9 Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 26 июня 2008 г. № 475, приложение № 1 к приказу МВД России от 4 августа 2008 г. № 676 “Об утверждении форм акта освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и протокола о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения” признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 21 июля 2021 г. № АКПИ21-445,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 12 октября 2021 г. № АПЛ21-358*

19. Оспариваемые частично подп. 175.3 п. 175 и п. 179 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений, утвержденного приказом МВД России от 20 февраля 2021 г. № 80, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 12 августа 2021 г. № АКПИ21-535,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 16 ноября 2021 г. № АПЛ21-428*

20. Абзац 2 подп. 76.4 п. 76 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, утвержденного приказом МВД России от 27 сентября 2019 г. № 660, и приложение № 4 к данному Административному регламенту признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 22 июля 2021 г. № АКПИ21-387,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 28 октября 2021 г. № АПЛ21-382*

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Сообщение лицом соучастнику преступления сведений о месте произведенной закладки наркотических средств не свидетельствует о выполнении им всех необходимых действий по передаче наркотических средств приобретателю и совершении тем самым оконченного их сбыта, если не доказано, что в результате этих действий сведения о месте закладки стали доступны приобретателю

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 9 марта 2021 г. № 41-УД20-55*

(Извлечение)

По приговору Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону от 24 января 2017 г., оставленному судом апелляционной инстанции без изменения, Ш. осужден по п. “г” ч. 4 ст. 228¹ и ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ.

Судом кассационной инстанции судебные решения изменены, в качестве обстоятельства, смягчающего наказание осужденного, признано наличие у Ш. хронических заболеваний.

Ш. признан виновным в незаконном сбыте наркотических средств в крупном размере, совершенном группой лиц по предварительному сгово-

ру, а также в покушении на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере, совершенном группой лиц по предварительному сговору.

Осужденный в кассационной жалобе оспаривал квалификацию его действий, совершенных с 24 по 27 сентября 2016 г., как оконченное преступление, поскольку наркотическое средство не перешло в распоряжение покупателя.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 9 марта 2021 г. изменила состоявшиеся по делу судебные решения, исходя из следующего.

Согласно ст. 29 УК РФ преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РФ.

Как установлено судом, Ш. вступил с неустановленным лицом в сговор о незаконном сбыте наркотических средств. Указанное лицо через тайники передало Ш. в целях сбыта наркотическое средство массой не менее 2,294 г, которое Ш. хранил при себе, расфасовав на мелкие партии в пакеты.

Затем Ш. совместно с неустановленным лицом осуществлял незаконный сбыт наркотических средств массой 0,500 г, 0,692 г, 0,562 г, 0,540 г, общей массой 2,294 г, помещая их на территории района в тайники-закладки, место расположения которых Ш. сообщал неустановленному лицу. Согласно распределению ролей неустановленное лицо должно было передать эту информацию покупателю. 28 сентября 2016 г. наркотическое средство массой 2,294 г было изъято в ходе осмотра места происшествия сотрудниками полиции.

Действия Ш. по данному преступлению квалифицированы судом по п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ как оконченное преступление по сбыту наркотических средств.

Вместе с тем по смыслу закона незаконный сбыт наркотического средства следует считать оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств независимо от фактического получения их приобретателем.

Если лицо в целях осуществления умысла на незаконный сбыт наркотических средств совершает действия, направленные на их последующую реализацию и составляющие часть объективной стороны сбыта, однако по независящим от него обстоятельствам не передает указанные средства приобретателю, такое лицо несет уголовную ответственность за покушение на незаконный сбыт этих средств.

Сама передача лицом реализуемых средств приобретателю может быть осуществлена любыми способами, в том числе непосредственно, путем сообщения ему о месте хранения этих средств, проведения их закладки в обусловленном с приобретателем месте¹.

¹Пункты 13, 13¹ и 13² постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 “О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами” (в ред. постановления Пленума от 30 июня 2015 г. № 30).

Поскольку в приговоре не приведены данные ни о наличии предварительной договоренности между участниками группы и приобретателем о месте и времени проведения закладки, ни о передаче приобретателю сведений о местах расположения закладок с наркотическими средствами, не имеется оснований полагать, что Ш. совершил оконченное преступление. То обстоятельство, что Ш. передал информацию о местах закладки своему соучастнику по сбыту, не влияет на оценку содеянного им как неоконченного преступления, поскольку в результате этих действий указанные сведения не стали доступны приобретателю наркотических средств.

С учетом изложенного действия Ш., совершенные 24—27 сентября 2016 г. и направленные на сбыт наркотических средств, образуют покушение на сбыт наркотических средств в крупном размере, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия изменила состоявшиеся судебные решения и переквалифицировала действия Ш. с п. “г” ч. 4 ст. 228¹ на ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ.

2. Суд обоснованно признал преступление совершенным группой лиц по предварительному сговору, поскольку в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении, их действия носили согласованный характер, а наступившие последствия явились результатом совместных действий

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 27 мая 2021 г. № 75-УДП21-8-К3*

(Извлечение)

По приговору Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 2 декабря 2019 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Ч. осужден по п. “а” ч. 2 ст. 158 УК РФ (за совершение 2 преступлений).

Судебная коллегия по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции 20 августа 2020 г. отменила приговор и апелляционное постановление в отношении Ч. и прекратила уголовное дело на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

Органами предварительного расследования Ч. обвинялся в том, что, действуя группой лиц по предварительному сговору с Л. (освобожденным от уголовной ответственности ввиду невинности), совершил 3 и 4 мая 2019 г. кражи из торгового зала магазина на сумму 518 руб. и 938 руб. соответственно.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ просил об отмене кассационного определения и передаче дела на новое кассационное рассмотрение ввиду допущенных существенных нарушений закона, кото-

рые повлекли незаконное прекращение в отношении Ч. уголовного дела.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 27 мая 2021 г. отменила кассационное определение и передала уголовное дело на новое кассационное рассмотрение, мотивируя свое решение следующим.

Как установлено в приговоре, 3 и 4 мая 2019 г. Ч., действуя группой лиц по предварительному сговору со своим знакомым Л., признанным по постановлению суда от 29 октября 2019 г. совершившим общественно опасные деяния, содержащие признаки преступления, предусмотренного п. “а” ч. 2 ст. 158 УК РФ, в состоянии невменяемости и на этом основании освобожденным от уголовной ответственности, совершил одним и тем же способом и при аналогичных обстоятельствах 2 кражи.

Так, находясь в помещении торгового зала магазина, Ч. предложил Л. совершить хищение продуктов питания и, получив на это согласие Л., взял с торгового стеллажа и передал Л. в первом случае 2 упаковки ветчины, во втором — упаковку ветчины и 4 упаковки сарделек, которые Л. спрятал под своей одеждой, пока Ч. наблюдал за окружающей обстановкой, чтобы предупредить последнего о появлении посторонних лиц. После этого Ч. и Л. скрылись из магазина с похищенным, распорядившись им по своему усмотрению, чем причинили АО “Т” материальный ущерб на сумму 518 руб. и 938 руб. соответственно.

Указанные действия Ч. квалифицированы судом как 2 преступления, предусмотренные п. “а” ч. 2 ст. 158 УК РФ, — кража, т.е. тайное хищение чужого имущества, совершенное группой лиц по предварительному сговору. При этом суд, исходя из роли Ч. и его совместных и согласованных действий с Л., обусловленных сговором, обоснованно указал на то, что освобождение Л. от уголовной ответственности в связи с его невменяемостью не влечет исключение из обвинения Ч. квалифицирующего признака совершения кражи группой лиц по предварительному сговору.

Суд кассационной инстанции пришел к выводу, что Ч. совершил тайное хищение посредством использования другого лица, исходя из положений ч. 2 ст. 33 УК РФ и разъяснений, содержащихся в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 “О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое”, согласно которым, если лицо совершило кражу, грабеж или разбой посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, его действия (при отсутствии иных квалифицирующих признаков) следует квалифицировать по ч. 1 ст. 158 УК РФ как действия непосредственного исполнителя преступления.

В действиях Ч., по мнению суда кассационной инстанции, отсутствовал квалифицирующий признак совершения кражи группой лиц по предварительному сговору, предусмотрен-

ный п. “а” ч. 2 ст. 158 УК РФ, поскольку участником предварительного сговора могло быть только вменяемое лицо. Кроме того, содеянное следует квалифицировать как административное правонарушение, предусмотренное ст. 7.27 КоАП РФ, исходя из того, что стоимость похищенного в результате совершения каждого из преступлений имущества не превышала 1000 руб.

Между тем изложенный в кассационном определении вывод относительно того, что Ч. совершил преступления посредством привлечения невменяемого Л., не основан на установленных судом первой инстанции фактических обстоятельствах дела.

Деяния, образующие объективную сторону преступлений, выполнены Ч. совместно и по предварительному сговору с Л., действия которого для Ч. носили адекватный, последовательный и целенаправленный характер, а наступившие последствия в виде причиненного материального ущерба явились результатом их совместных действий.

Судом кассационной инстанции не дана оценка действиям Ч., не только предложившему Л. совместно совершить кражи, но и лично участвовавшему в хищении и наблюдавшему за окружающей обстановкой, чтобы избежать обнаружения посторонними лицами.

Положениями ст. 32 и ч. 2 ст. 35 УК РФ не предусмотрено обязательное наличие вменяемости и соответствующего возраста соучастников преступления, и уголовный закон не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности¹.

3. Если в соответствии с санкцией статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ назначение дополнительного наказания в виде ограничения свободы не являлось обязательным, суд в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора должен указать основания его применения с приведением соответствующих мотивов

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 15 апреля 2021 г. № 78-УД21-8*

(Извлечение)

По приговору Санкт-Петербургского городского суда от 30 июня 2016 г. А. осужден по п. “б” ч. 4 ст. 229¹ УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к семи годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на один год,

¹ Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 августа 2021 г. приговор и апелляционное постановление в отношении Ч. оставлены без изменения.

по ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ — к шести годам лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено восемь лет лишения свободы с ограничением свободы сроком на один год, с установлением указанных в приговоре ограничений.

В апелляционном порядке приговор не обжаловался.

А. признан виновным в контрабанде наркотических средств, т.е. в незаконном перемещении через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наркотических средств в крупном и особо крупном размерах, совершенном группой лиц по предварительному сговору, и в приготовлении к незаконному сбыту наркотических средств в крупном и особо крупном размерах, совершенном группой лиц по предварительному сговору.

В кассационной жалобе осужденный просил об изменении приговора в части назначения дополнительного наказания в виде ограничения свободы, поскольку его применение судом не мотивировано.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 15 апреля 2021 г. изменила приговор, определив следующее.

Согласно п. 4 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания.

Санкцией ч. 4 ст. 229¹ УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового или пожизненное лишение свободы.

По смыслу уголовного закона при назначении наказания по статье уголовного закона, предусматривающей возможность применения дополнительного наказания по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания его применения с приведением соответствующих мотивов.

Между тем суд, назначив А. по п. “б” ч. 4 ст. 229¹ УК РФ дополнительное наказание в виде ограничения свободы сроком на один год, данное решение в описательно-мотивировочной части приговора не мотивировал.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор, исключила назначение А. по п. “б” ч. 4 ст. 229¹ УК РФ и на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений дополнительного наказания в виде ограничения свободы сроком на один год.

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. При оценке законности решения жилищного органа об отказе в принятии на жилищный учет военнослужащего и его супруги, проживающих в жилом помещении, принадлежащем на праве собственности матери супруги военнослужащего, существенное значение имеет, в каком качестве они вселены в это помещение

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 7 октября 2021 г. № 224-КА21-14-К10*

(Извлечение)

Решением Сочинского гарнизонного военного суда от 7 апреля 2020 г., оставленным без изменения апелляционным определением Южного окружного военного суда от 17 июня 2020 г., Т. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил в том числе признать незаконным утвержденное начальником Пограничного управления ФСБ России по Республике Дагестан (далее — Пограничное управление) решение жилищной комиссии Пограничного управления от 13 января 2020 г. о снятии супруги административного истца с учета нуждающихся в жилом помещении по избранному месту жительства в г. Москве (с обеспечением жилым помещением в форме предоставления субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (далее — жилищная субсидия)).

Определением Кассационного военного суда от 19 октября 2020 г. решение суда первой инстанции и апелляционное определение окружного военного суда оставлены без изменения.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе Т., Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 7 октября 2021 г. судебные акты отменила в связи с существенным нарушением норм материального права и направила дело на новое рассмотрение в Сочинский гарнизонный военный суд, указав следующее.

Из материалов дела следует, что Т. после окончания в июле 1998 г. военно-учебного заведения проходил военную службу на офицерских должностях в различных регионах Российской Федерации, а с сентября 2012 г. — в г. Дербенте Республики Дагестан.

Приказом ФСБ России от 14 ноября 2018 г. административный истец уволен с военной службы в запас по истечении срока контракта и на основании приказа ФСБ России в г. Дербенте Пограничного управления от 6 декабря 2018 г. исключен из списков личного состава воинской части при общей продолжительности военной службы в календарном исчислении более 25 лет, а в льготном исчислении — более 30 лет.

В период военной службы Т. в составе семьи из 4 человек (он, супруга и 2 дочери) на основании решений жилищной комиссии Пограничного управления от 10 июля 2014 г. и от 27 июля 2018 г. принят с 25 апреля 2014 г. на учет в каче-

стве нуждающегося в жилом помещении по избранному месту жительства в г. Москве в форме предоставления жилищной субсидии.

10 июня 2019 г. Т. сдал занимаемое по последнему месту военной службы служебное жилое помещение, и на основании договора найма от 20 июня 2019 г., заключенного с матерью своей супруги, ему и членам его семьи было предоставлено для временного проживания принадлежащее матери супруги на праве собственности жилое помещение в г. Сочи Краснодарского края. По указанному адресу административный истец, его супруга и дочери были зарегистрированы по месту пребывания на срок до 20 июня 2021 г. На основании представленных Т. заявления и документов ему и членам семьи управлением ФСБ России по Краснодарскому краю назначена денежная компенсация за наем жилого помещения.

Решением жилищной комиссии Пограничного управления от 13 января 2020 г. супруга административного истца снята с жилищного учета ввиду того, что она вселена в квартиру, принадлежащую на праве собственности ее матери, в качестве члена семьи и обеспечена общей площадью жилого помещения более учетной нормы.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении административного искового заявления, суд первой инстанции исходил из того, что супруга административного истца, вселившись в принадлежащее ее матери на праве собственности жилое помещение, стала членом семьи собственника жилого помещения, приобрела право пользования им и обеспечена общей площадью жилого помещения более учетной нормы.

Суд апелляционной инстанции, согласившись с выводами суда первой инстанции, дополнительно указал в апелляционном определении, что для признания супруга, детей и родителей, вселенных собственником в жилое помещение, членами его семьи достаточно установления только факта их совместного проживания с собственником в этом жилом помещении и не требуется установления факта ведения ими общего хозяйства с собственником жилого помещения, оказания взаимной материальной и иной поддержки.

При этом судами оставлены без внимания иные имеющие существенное значение обстоятельства.

Согласно п. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” военнослужащим — гражданам, обеспечиваемым на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями и признанным нуждающимися в жилых помещениях, по достижении общей продолжительности военной службы 20 лет и более, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более федеральным органом исполнительной

власти или федеральным государственным органом, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, предоставляются жилищная субсидия или жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственность бесплатно или по договору социального найма с указанным федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом по избранному постоянному месту жительства и в соответствии с нормами предоставления площади жилого помещения, предусмотренными ст. 15¹ названного Федерального закона.

В суде установлено, что Т., признанный нуждающимся в жилом помещении по избранному месту жительства в г. Москве в форме предоставления жилищной субсидии в составе семьи из 4 человек, в том числе супруги, по достижении общей продолжительности военной службы 20 лет был уволен с военной службы в запас по истечении срока контракта.

На момент увольнения жилищная субсидия административному истцу предоставлена не была.

В связи с этим обстоятельством, а также необходимостью продолжения обучения дочерей в общеобразовательном учебном заведении, как показал Т. в судебном заседании, им было принято решение о временном проживании в квартире, принадлежащей на праве собственности матери его супруги с согласия последней. Поскольку мать супруги впоследствии планировала продать жилое помещение по причине переезда в другую местность, в договоре найма было ограничено право пользования этим помещением как для него, так и для остальных членов его семьи.

Согласно исследованным в судебном заседании копиям договора найма жилого помещения, свидетельств о регистрации по месту пребывания и выписки из лицевого счета административный истец, его супруга и дочери вселены в квартиру, принадлежащую на праве собственности матери супруги Т., на срок до 20 июня 2021 г. и с регистрацией не по месту жительства, а по месту пребывания. Проживание административного истца с семьей на условиях найма в указанной квартире было расценено командованием как основание для выплаты денежной компенсации за наем жилого помещения на всех членов его семьи, включая супругу.

В силу абз. 2 ст. 3 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 “О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации” регистрация по месту пребывания или по месту жительства в пределах Российской Федерации является обязанностью граждан Российской Федерации. Под местом пребывания в соответствии с абз. 7 и 8 ст. 2 названного Закона следует понимать в том числе не являющееся местом жительства гражданина Российской Федерации жилое помещение, в котором он проживает временно, а под местом жи-

тельства — жилой дом, квартиру, комнату, жилое помещение специализированного жилищного фонда либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства. Аналогичные положения содержатся в п. 3 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 17 июля 1995 г. № 713.

При таких данных регистрация Т. и членов его семьи в жилом помещении по месту пребывания указывала на временный характер пользования этим помещением, что подлежало учету при рассмотрении данного дела.

Кроме того, Т. пояснил в судебном заседании, что служебная квартира, в которой он с семьей проживал в период военной службы, им была сдана по причине ее нахождения на территории воинской части и существующих ограничений в доступе в нее как со стороны иных лиц, так и проживающих в ней лиц после наступления определенного времени суток. Вместе с тем регистрация по адресу воинской части (по месту жительства) им была сохранена до получения жилищной субсидии.

Таким образом, изложенные Т. в судебном заседании обстоятельства и исследованные материалы дела могут указывать на то, что вселение административного истца с супругой и детьми в квартиру, принадлежащую на праве собственности матери его супруги, носило вынужденный и временный характер, было обусловлено необеспечением его при увольнении с военной службы жилым помещением по избранному месту жительства и необходимостью продолжения обучения детей, для чего требовалась их регистрация по месту пребывания. При этом условия, на которых Т. и члены его семьи были вселены в указанное жилое помещение, ограничивали их, в том числе супруги административного истца, право пользования жилым помещением.

Согласно ч. 2 ст. 31 ЖК РФ члены семьи собственника жилого помещения имеют право пользования данным жилым помещением наравне с его собственником, если иное не установлено соглашением между собственником и членами его семьи.

Приведенные административным истцом обстоятельства, указывающие наряду с вышеизложенным на наличие между ним и собственником жилого помещения соглашения, которым

ограничено право пользования жилым помещением всех членов его семьи, в том числе супруги, также имели существенное значение для дела и подлежали проверке в судебном заседании суда первой инстанции с последующей оценкой наряду с иными доказательствами.

Принимая во внимание изложенное, выводы судебных инстанций об отсутствии правовых оснований для признания супруги административного истца нуждающейся в жилом помещении в порядке, предусмотренном Федеральным законом “О статусе военнослужащих”, являются преждевременными, не основанными на законе и существенных для данного дела обстоятельствах.

2. Разрешение вопроса увольнения военнослужащего с военной службы по собственному желанию не требует его аттестации и составления на него в этих целях аттестационного листа

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 20 апреля 2021 г. № 223-КА21-1-К10*

(Извлечение)

Решением Челябинского гарнизонного военного суда от 2 августа 2019 г., оставленным без изменения апелляционным определением Центрального окружного военного суда от 6 ноября 2019 г., удовлетворено административное исковое заявление Ф. в той части, в которой она просила признать незаконными решения (заключения) аттестационной комиссии ФГКОУ “Курганский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации” (далее — Пограничный институт) от 23 апреля и 26 июня 2019 г. о признании неуважительными указанных административным истцом причин для увольнения по собственному желанию.

Кассационным определением Кассационного военного суда от 25 июня 2020 г. судебные акты оставлены без изменения.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе начальника Пограничного института, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 20 апреля 2021 г. судебные акты в указанной части отменила и приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении требований Ф. по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Пограничного института Ф., проходившая военную службу по контракту, 29 марта 2019 г. обратилась по команде с рапортом об увольнении с военной службы по собственному желанию.

В обоснование рапорта она указала на несовместимость военной службы и научной деятельности, отсутствие перспектив защиты подготовленной ею диссертации в ведомственных образовательных организациях, невозможность

соблюдения установленных требований к научно-квалификационным работникам без ущерба исполнению обязанностей военной службы.

Рапорт рассмотрен на заседании аттестационной комиссии Пограничного института 23 апреля 2019 г. с участием Ф.

По результатам рассмотрения рапорта комиссия дала заключение, которым признала неуважительными изложенные административным истцом причины для увольнения по собственному желанию, и рекомендовала начальнику Пограничного института отказать административному истцу в досрочном увольнении с военной службы.

30 апреля 2019 г. начальником Пограничного института с Ф. проведена беседа, в ходе которой ей с учетом заключения аттестационной комиссии были разъяснены основания для отказа в удовлетворении просьбы об увольнении. Результаты беседы и принятое решение об отказе административному истцу в увольнении отражены в справке о беседе.

24 мая 2019 г. Ф. повторно обратилась с рапортом об увольнении по собственному желанию в связи с несовместимостью военной службы с научной деятельностью, невозможностью соблюдения установленных требований к научно-квалификационным работникам без ущерба исполнению обязанностей военной службы, прекращением работы специального диссертационного совета по месту подготовки диссертации и отсутствием заинтересованности других ведомственных образовательных организаций в ее защите.

Заключением комиссии от 26 июня 2019 г. ей вновь было отказано в признании уважительными заявленных ею причин для увольнения с военной службы. В тот же день заключение комиссии и решение начальника Пограничного института доведены до административного истца начальником отдела кадров института.

Перед заседаниями обеих аттестационных комиссий аттестационные листы на Ф. не составлялись, а заключения комиссий начальником Пограничного института не утверждались.

Принимая решение в части удовлетворения административного искового заявления, суд первой инстанции исходил из того, что проведению аттестации Ф. в нарушение закона не предшествовали составление аттестационных листов (с отзывами) и ознакомление с ними административного истца.

Соглашаясь с решением, суд апелляционной инстанции в своем определении дополнительно указал, что для досрочного увольнения военнослужащего с военной службы по собственному желанию является обязательным проведение аттестации с целью оценки причин, которые могут служить основанием для такого увольнения. В соответствии с единым порядком проведения аттестации на аттестуемого военнослужащего составляется аттестационный лист, представляемый на утверждение. Военнослужащий должен быть ознакомлен с содержанием аттеста-

ции, о чем расписывается в утвержденном аттестационном листе.

На необходимость в соответствии с законодательством оценки в рамках аттестации уважительности причин для увольнения с военной службы по собственному желанию указал и Кассационный военный суд.

Такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права.

Как следует из административного искового заявления, уточнения к нему и объяснений административного истца в судебном заседании, поводом для обращения Ф. в суд явилось в том числе несогласие с порядком проведения и выводами аттестационной комиссии по результатам рассмотрения рапортов об увольнении с военной службы по собственному желанию.

Согласно п. 6 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ “О воинской обязанности и военной службе” военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, по заключению аттестационной комиссии может быть уволен с военной службы досрочно по собственному желанию при наличии у него уважительных причин.

Следовательно, рассмотрение вопроса о досрочном увольнении военнослужащего по собственному желанию и об уважительности причин такого увольнения законом отнесено к компетенции аттестационной комиссии, на что обособленно указано в судебных актах.

Однако, верно установив названное обстоятельство, суды в результате неправильного толкования норм материального права пришли к ошибочному выводу о необходимости рассмотрения этого вопроса исключительно в рамках процедуры аттестации административного истца.

В соответствии с п. 1 ст. 27 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента РФ от 16 сентября 1999 г. № 1237 (далее — Положение), аттестационные комиссии создаются в воинских частях как для проведения аттестации, так и для решения иных вопросов прохождения военной службы.

Аттестация в силу п. 1 ст. 26 Положения проводится в целях всесторонней и объективной оценки военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, определения их соответствия занимаемой воинской должности и перспектив дальнейшего служебного использования, а также определения предназначения граждан, пребывающих в запасе.

Из содержания названной правовой нормы следует, что аттестация военнослужащего проводится в строго определенных случаях и рассмотрение причин, по которым военнослужащий полагает невозможным дальнейшее прохождение военной службы, к этим случаям не отнесено.

При этом в соответствии с п. 3 ст. 27 Положения к компетенции аттестационной комиссии помимо аттестации военнослужащих отнесены иные вопросы. В частности, вопросы, для решения которых требуются заключения аттестационной ко-

миссии, либо вопросы, связанные с прохождением военными службами, в случаях, предусмотренных федеральными законами, указами Президента Российской Федерации, или по решению командира воинской части.

Поскольку в силу закона вопросы увольнения военнослужащего с военной службы по собственному желанию являются прерогативой аттестационной комиссии, их рассмотрение отнесено Положением к иным вопросам, входящим в компетенцию аттестационной комиссии и не требующим для их разрешения аттестации военнослужащего и составления в этих целях аттестационного листа.

Как следует из названных норм права, заседание аттестационной комиссии должно быть организовано и проведено на основе общих принципов правовых процедур, предполагающих обязанность своевременного информирования подавшего рапорт об увольнении военнослужащего о времени и месте проведения заседания и заслушивания его позиции. При этом в рамках названного заседания аттестационной комиссии не производится оценка военнослужащего, а оценивается лишь уважительность причин его увольнения по собственному желанию.

В суде установлено, что Ф. была проинформирована о заседании комиссии и ей предоставлена возможность обосновать уважительность причин, по которым она полагала невозможным дальнейшее прохождение военной службы. С заключениями комиссии, носящими рекомендательный характер, административный истец была ознакомлена: 30 апреля 2019 г. непосредственно начальником Пограничного института, 26 июня 2019 г. начальником отдела кадров института, каждый раз с доведением мотивированного решения об отказе в удовлетворении содержащейся в рапортах просьбы об увольнении.

Таким образом, вывод в судебных актах о необходимости проведения аттестации административного истца основан на неправильном толковании норм материального права.

Из изложенного следует, что заседания аттестационной комиссии по рассмотрению рапортов административного истца об увольнении с военной службы по собственному желанию и доведение результатов аттестационной комиссии проведены с соблюдением установленного порядка и прав Ф. не нарушают.

3. Неприменение судом закона, подлежащего применению в данном деле, привело к ошибочному выводу об отсутствии у командира воинской части полномочий на предъявление иска в суд

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 8 апреля 2021 г. № 222-КГ21-4-К10*

(Извлечение)

Определением судьи Московского гарнизонного военного суда от 18 июня 2020 г. возвращено исковое заявление командира воинской час-

ти (ввиду отсутствия полномочий на его предъявление) о привлечении к материальной ответственности М., проходившего военную службу в должности командира этой же воинской части в 2012—2013 гг.

Апелляционным определением 2-го Западного окружного военного суда от 1 сентября 2020 г. определение судьи отменено, исковое заявление направлено в гарнизонный военный суд для рассмотрения вопроса о принятии его к производству суда.

Кассационным определением Кассационного военного суда от 7 декабря 2020 г. апелляционное определение отменено, оставлено в силе определение судьи гарнизонного военного суда.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 8 апреля 2021 г. кассационное определение отменила и оставила в силе апелляционное определение окружного военного суда по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что М. в 2012—2013 гг. проходил военную службу в должности командира воинской части.

В сентябре 2017 г. группой Межрегионального управления ведомственного финансового контроля и аудита Минобороны России (по Военно-морскому флоту РФ) проведена проверка отдельных вопросов финансово-экономической и хозяйственной деятельности воинской части.

Согласно акту проверки от 6 октября 2017 г. в воинской части выявлено необоснованное начисление ряду военнослужащих выплат во время проведения в 2012 году организационно-штатных мероприятий по причине несвоевременного издания командиром воинской части приказов о зачислении указанных военнослужащих в распоряжение командира.

В мае 2020 г. вновь назначенный командир воинской части обратился в суд с иском о привлечении М. к ограниченной материальной ответственности.

Возвращая исковое заявление, судья гарнизонного военного суда исходил из того, что прохождение М. ранее военной службы в воинской части в должности командира исключает предъявление к нему исковых требований вновь назначенным командиром; такой иск вправе предъявить вышестоящий в порядке подчиненности командир.

Отменяя названное определение судьи, суд апелляционной инстанции в обоснование указал, что М. на момент предъявления к нему исковых требований проходил военную службу в другой воинской части, в связи с чем командир воинской части правомерно обратился в суд с иском.

Принимая решение об отмене апелляционного определения и оставлении в силе определения судьи суда первой инстанции, Кассационный военный суд указал, что при обращении с иском действующий командир воинской части реализовал те же дискреционные полномочия, которыми

обладал М. на момент возникновения спорных правоотношений, повлекших, по мнению истца, причинение ущерба. Между тем оценку таким событиям в силу положений ст. 8 Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ “О материальной ответственности военнослужащих” и принципа единоначалия правомочен дать только вышестоящий в порядке подчиненности командир.

Такие выводы суда кассационной инстанции основаны на неправильном применении норм материального права.

Порядок возмещения ущерба в случае увольнения военнослужащего с военной службы или перевода его к новому месту службы определен Федеральным законом “О материальной ответственности военнослужащих”.

Согласно п. 3 ст. 9 Закона (в ред. Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 81-ФЗ), если решение о привлечении причинившего ущерб военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, к материальной ответственности не было принято до его перевода к новому месту военной службы, взыскание с него ущерба производится в соответствии с решением суда по иску, предъявленному командиром (начальником) воинской части, имуществу которой нанесен ущерб.

Данная редакция Закона действует с 12 апреля 2020 г.

В суде установлено, что исковое заявление о привлечении М. к материальной ответственности командиром воинской части подано 29 мая 2020 г. В приложенных к заявлению материалах содержатся сведения о прохождении М. военной службы на момент предъявления к нему исковых требований в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ.

При таких обстоятельствах исковое заявление подано командиром воинской части с соблюдением названных требований Закона.

Неприменение судом кассационной инстанции закона, подлежащего применению в данном деле, привело к ошибочному выводу об отсутствии у командира воинской части полномочий на предъявление иска.

Исполнение М. в 2012—2013 гг. должностных обязанностей командира воинской части не препятствовало подаче к нему иска вновь назначенным командиром этой воинской части.

В соответствии с п. 1 ст. 8 Федерального закона “О материальной ответственности военнослужащих” иск о возмещении ущерба, причиненного командиром (начальником) воинской части, предъявляется вышестоящим в порядке подчиненности командиром (начальником).

По смыслу приведенной нормы Закона ею регулируются вопросы привлечения к материальной ответственности военнослужащих, занимающих воинскую должность командира воинской части на момент предъявления к ним исковых требований, на что обоснованно указано в кассационной жалобе.

Поскольку М. на момент предъявления к нему исковых требований командиром воинской части не являлся, исполнение им до перевода к новому месту военной службы обязанностей командира правового значения не имеет.

Таким образом, суд апелляционной инстанции, отменяя определение судьи гарнизонного военного суда и направляя исковое заявление в тот же суд для рассмотрения по существу, правомерно исходил из того, что истец обладает полномочиями на предъявление иска к М., поскольку тот уже не является командиром воинской части, что исключает применение к спорным правоотношениям положений п. 1 ст. 8 Федерального закона “О материальной ответственности военнослужащих”.

Такой вывод суда апелляционной инстанции основан на правильном применении норм материального права и соответствует материалам дела.

4. Возложение в акте проверки на воинское должностное лицо определенных обязанностей по устранению нарушений, установленных ревизией, выражающихся в том числе в необходимости взыскания ранее выплаченного военнослужащему денежного довольствия по занимаемой им штатной должности, свидетельствует о том, что этим актом непосредственно затронут его право на справедливую оплату труда

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 7 сентября 2021 г. № 227-КА21-6-К10*

(Извлечение)

Апелляционным определением Северного флотского военного суда от 4 марта 2021 г. отменено решение Североморского гарнизонного военного суда от 16 декабря 2020 г. об удовлетворении административного искового заявления Ш., в котором она просила признать незаконными выводы, изложенные в акте ведомственного финансового контроля уполномоченного финансового органа от 23 июля 2020 г. (далее — Акт), в части указания о переплате ей денежного довольствия в размере 377 676 руб. По делу принято новое решение, которым в удовлетворении административного искового заявления Ш. отказано.

Кассационным определением Кассационного военного суда от 11 мая 2021 г. апелляционное определение флотского военного суда оставлено без изменения.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе административного истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 7 сентября 2021 г. обжалуемые апелляционное и кассационное определения отменила и направила дело на новое рассмотрение в Северный флотский военный суд со стадии апелляционного рассмотрения.

В обоснование принятого решения приведены следующие доводы.

Из материалов дела следует, что уполномоченным финансовым органом проведена проверка отдельных вопросов финансово-экономической и хозяйственной деятельности воинской части, в которой проходит военную службу Ш., за период с 1 июля 2017 г. по 30 июня 2020 г.

По итогам проверки составлен Акт, в п. 4.1 которого указано, что в результате нарушения штатно-тарифной дисциплины старшему матросу Ш. в период с октября 2017 г. по май 2020 г. произведены без законных оснований выплаты денежного довольствия в размере 377 676 руб. Согласно выводам, изложенным в Акте, в данный период Ш., занимавшая воинскую должность «начальник склада комендатуры охраны и обслуживания» (5 тарифный разряд), в связи с упразднением склада фактически исполняла обязанности по воинской должности «оператор» (2 тарифный разряд). При этом денежное довольствие ей начислялось по тарифу должности начальника склада, т.е. в завышенном размере.

В связи с этим указанная сумма определена в Акте как ущерб, за причинение которого виновные лица подлежат привлечению к материальной ответственности, командиру воинской части предложено провести административное расследование, привлечь виновных лиц к материальной и/или дисциплинарной ответственности, разрешить вопрос о внесении сумм ущерба, выявленного контрольными мероприятиями, в книгу учета недостач.

Не согласившись с указанными выводами, командир воинской части представил на имя руководителя уполномоченного финансового органа возражения, в удовлетворении которых было отказано.

Гарнизонный военный суд, исследовав имеющиеся по делу доказательства, пришел к выводу о наличии у Ш. права на получение денежного довольствия исходя из занимаемой ею должности начальника склада комендатуры охраны и обслуживания на основании того, что Ш. от этой должности в установленном порядке не освобождалась и в распоряжение не зачислялась.

Северный флотский военный суд, отменяя решение и принимая новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления, исходил из того, что в Акте отсутствуют выводы о какой-либо вине Ш. в излишней выплате ей денежного довольствия. Сам по себе Акт носит для командования информационный характер, не содержит предложений о привлечении административного истца к материальной ответственности и окончательных властно-распорядительных предписаний или запретов, в связи с чем не может нарушать права административного истца, создавать препятствия к осуществлению ее прав, свобод и реализации законных интересов, возлагать обязанности.

Кассационный военный суд согласился с выводами флотского военного суда.

Однако данные выводы судов основаны на неправильном толковании норм процессуально-го права и противоречат материалам дела.

Согласно ч. 1 ст. 218 КАС РФ гражданин, организация, иные лица могут обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, государственного или муниципального служащего, если полагают, что нарушены или оспорены их права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению их прав, свобод и реализации законных интересов или на них незаконно возложены какие-либо обязанности.

Судом установлено, что требования об устранении выявленных в ходе проверки нарушений, содержащиеся в Акте, обращены к командиру воинской части, ответственному за финансово-экономическую и хозяйственную деятельность вверенной ему части.

Согласно разделу IV Руководства по войсковому (корабельному) хозяйству в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденной приказом Министра обороны РФ от 3 июня 2014 г. № 333, исполнение акта проверки хозяйственной деятельности части (подразделения) для соответствующего командира воинской части (руководителя подразделения) является обязательным.

Как следует из Акта, командиру воинской части предложено обеспечить проведение мероприятий, направленных на улучшение финансовой и хозяйственной деятельности части и устранение выявленных нарушений, в том числе провести административные расследования, привлечь виновных лиц к материальной и/или дисциплинарной ответственности, обеспечить возмещение ущерба, выявленного контрольными мероприятиями, путем его взыскания с подчиненных военнослужащих, в частности с Ш.

При этом содержание п. 4.1 Акта указывает на то, что в нем фактически содержатся положения о незаконности произведенных административному истцу выплат.

Таким образом, оспариваемый Акт возлагает определенные обязанности на командира воинской части по устранению нарушений, установленных ревизией, выражающихся в том числе в необходимости взыскания ранее выплаченного Ш. денежного довольствия по занимаемой ею штатной должности, и тем самым непосредственно затрагивает ее право на справедливую оплату труда.

При таких данных выводы судов апелляционной и кассационной инстанций о том, что Акт не может нарушать права административного истца, создавать препятствия к осуществлению ее прав, свобод и реализации законных интересов, возлагать обязанности, являются несостоятельными.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В случаях, когда по уголовному делу установлено соблюдение всех условий и выполнение всех обязательств, предусмотренных в досудебном соглашении о сотрудничестве, однако суд с учетом необходимости исследования обстоятельств, относящихся к юридической оценке содеянного подсудимым, принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного главой 40¹ УПК РФ, и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке, наказание подсудимому назначается по правилам ч. 2 или ч. 4 ст. 62 УК РФ

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам*

*Второго кассационного суда общей юрисдикции
от 21 июля 2020 г.*

(Извлечение)

По приговору Кировского районного суда г. Ярославля от 26 декабря 2017 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) Б. осужден по пп. “а”, “г”, “з” ч. 2 ст. 126 УК РФ к шести годам шести месяцам лишения свободы.

По этому же приговору осуждены и другие лица.

Б. признан виновным в похищении человека, совершенном группой лиц по предварительному сговору, с применением предметов, используемых в качестве оружия, из корыстных побуждений.

В кассационной жалобе адвокат, выступавший в защиту интересов Б., оспаривал судебные решения, в том числе в части назначения осужденному наказания без учета смягчающих обстоятельств.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 5 июня 2020 г. кассационная жалоба адвоката вместе с уголовным делом переданы для рассмотрения в судебном заседании Второго кассационного суда общей юрисдикции.

Судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции 21 июля 2020 г. изменила приговор и апелляционное определение: снизила назначенное Б. наказание до пяти лет шести месяцев лишения свободы, указав следующее.

Из материалов уголовного дела усматривалось, что по уголовному делу с Б. было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

По окончании предварительного следствия заместитель прокурора Ярославской области вынес представление о соблюдении обвиняемым условий досудебного соглашения о сотрудничестве.

Положения ч. 2 ст. 317⁶ УПК РФ предусматривают особый порядок проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по

уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Этот порядок применяется, если суд удостоверится, что государственный обвинитель подтвердил активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, а также что досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено добровольно и при участии защитника.

В соответствии с ч. 5 ст. 317⁷ УПК РФ судья, удостоверившись, что подсудимым соблюдены все условия и выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, постановляет обвинительный приговор и с учетом положений чч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ назначает подсудимому наказание.

В силу ч. 3 ст. 317⁶ УПК РФ в случае, если суд установит, что предусмотренные чч. 1 и 2 ст. 317⁶ УПК РФ условия не соблюдены, он принимает решение о назначении судебного разбирательства в общем порядке.

Как усматривалось из протокола судебного заседания, государственный обвинитель подтвердил выполнение Б. условий досудебного соглашения о сотрудничестве, суд выяснил, что Б. понимает существо предъявленного ему обвинения, досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено им добровольно и при участии защитника.

Между тем с учетом позиции стороны защиты Б., высказанной в прениях сторон относительно юридической оценки фактов, изложенных в обвинении, суд пришел к выводу о несоблюдении Б. условий досудебного соглашения о сотрудничестве и принял решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и о назначении судебного разбирательства в общем порядке.

При постановлении обвинительного приговора и назначении подсудимому наказания ввиду несоблюдения досудебного соглашения о сотрудничестве суд не нашел оснований для применения к Б. положений ч. 2 ст. 62 УК РФ.

Данный вывод суда судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции признала необоснованным.

Адвокат подсудимого не оспаривал фактические обстоятельства совершения Б. преступления, изложенные в обвинительном заключении, указывал только на несоответствие этих фактических обстоятельств квалификации содеянного.

Переход судом из особого порядка судебного разбирательства в общий, по существу, был связан с необходимостью исследовать обстоятельства, относящиеся к юридической оценке содеянного подсудимым и не соотносился с несогласием стороны защиты с предъявленным Б. обвине-

нием. В связи с этим оснований полагать, что Б. не соблюдены условия и не выполнены обязательства, предусмотренные досудебным соглашением о сотрудничестве, у суда не имелось.

Исходя из разъяснений, содержащихся в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 “О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве”, в тех случаях, когда по уголовному делу установлено соблюдение всех условий и выполнение всех обязательств, предусмотренных в досудебном соглашении о сотрудничестве, однако суд в силу тех или иных оснований выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства (например, если содеянное подсудимым подлежит переквалификации и для этого требуется исследование собранных по делу доказательств), при судебном разбирательстве в общем порядке суду следует назначать подсудимому наказание по правилам ч. 2 или ч. 4 ст. 62 УК РФ.

Согласно ч. 2 ст. 62 УК РФ в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Признав Б. виновным в совершении преступления, предусмотренного пп. “а”, “г”, “з” ч. 2 ст. 126 УК РФ, санкция которой предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до двенадцати лет, суд назначил ему наказание в виде шести лет шести месяцев лишения свободы, что противоречит требованиям ч. 2 ст. 62 УК РФ.

Допущенное судом нарушение, выразившееся в неправильном применении судом норм Общей части УК РФ при назначении виновному наказания, являлось существенным, повлиявшим на исход дела.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 4 (2021)¹

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

29. Действия лица, которое в общественном месте без видимого повода нанес потерпевшему удары ножом в жизненно важный орган — шею, причинив повреждения, повлекшие смерть потерпевшего, свидетельствуют о наличии умысла на лишение потерпевшего жизни и подлежат квалификации по п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершенное из хулиганских побуждений.

Установлено, что М., находясь в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте (на улице), подошел к ранее незнакомому ему Р. сзади и внезапно для последнего нанес ножом не менее 2 ударов в шею. После полученных телесных повреждений потерпевший Р. попытался скрыться от М., который, удерживая в руке нож, следовал за потерпевшим. Добежав до пешеходного перехода, Р. упал на проезжую часть, где от нанесенного ранения и массивной кровопотери скончался. После совершения убийства М. был задержан на месте происшествия.

Смерть потерпевшего Р. наступила в результате причинения ему колото-резаного ранения шеи с повреждением наружной сонной артерии, сопровождавшегося массивным наружным кровотечением.

Действия М. квалифицированы судом по п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ как умышленное причинение смерти другому человеку, совершенное из хулиганских побуждений.

В кассационной жалобе осужденный оспаривал вывод суда о наличии у него умысла на лишение жизни потерпевшего, просил переквалифицировать его действия на ч. 4 ст. 111 УК РФ, мотивируя тем, что между ним и Р. произошла драка, в ходе которой он по неосторожности причинил ранение, повлекшее смерть потерпевшего.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения, кассационную жалобу — без удовлетворения по следующим основаниям.

Вывод суда о совершении преступления из хулиганских побуждений и с умыслом на лишение жизни является правильным.

Как установлено судом, М., находясь в общественном месте, без какого-либо повода и видимой причины напал на незнакомого ему Р. сзади и нанес последнему удары ножом в жизненно важный орган — в шею, причинив повреждения, повлекшие его смерть.

Каких-либо обстоятельств, свидетельствующих об оборонительном характере действий осужденного, из показаний очевидцев преступления не следует. Совокупность доказательств по делу опровергает данный довод осужденного, а также и его доводы об отсутствии умысла на лишение жизни и хулиганского мотива.

Суд первой инстанции тщательно проанализировал в приговоре указанные доводы и пришел к правильному выводу об их необоснованности, мотивировав свои выводы.

Определение № 36-УД21-8-А1

30. В случае, если умысел на лишение потерпевшего жизни возник у виновных после его захвата и помещения, совершенных с целью выяснения с ним отношений по поводу произошедшего перед этим конфликта, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 126 и 105 УК РФ.

Установлено, что М. и П. в связи с произошедшим ранее конфликтом решили выяснить с потерпевшим Т. свои взаимоотношения. С этой целью они поместили Т. в багажник автомобиля, принадлежащего М., и привезли его к котловану. Вытащив потерпевшего из автомобиля, осужденные в ходе выяснения с последним отношений, понимая, что в случае освобождения он может сообщить об их действиях сотрудникам правоохранительных органов, решили лишить Т. жизни

¹Окончание. Начало в № 4, 2022 г.

для сокрытия своих действий по его похищению. С этой целью осужденные поочередно нанесли потерпевшему удары ножом в шею и голову. Затем М. нанес потерпевшему Т. удары домкратом по голове. После этого осужденные, оставив потерпевшего в котловане, скрылись с места происшествия.

В результате действий осужденных от причиненного колото-резаного ранения шеи, осложнившегося острой кровопотерей, Т. скончался на месте.

По приговору Курганского областного суда от 17 июня 2020 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) действия М. и П. квалифицированы по п. “а” ч. 2 ст. 126 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) и пп. “в”, “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ как похищение и сопряженное с ним убийство потерпевшего, совершенные по предварительному сговору группой лиц.

В кассационной жалобе осужденный П. просил исключить осуждение по ст. 126 УК РФ как излишне вмененное.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор и апелляционное определение без изменения, указав следующее.

По смыслу уголовного закона под похищением человека следует понимать его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют. Похищение человека считается оконченным преступлением с момента захвата и начала его перемещения.

Как следует из фактических обстоятельств дела, установленных судом, осужденные совершили незаконный захват и перемещение потерпевшего для выяснения с ним отношений в связи с произошедшим ранее конфликтом и эти действия не были изначально направлены на убийство потерпевшего, о лишении жизни Т. они договорились после его похищения.

При таких обстоятельствах действия осужденных образуют совокупность преступлений.

Определение № 82-УД21-12-А2

Назначение наказания

31. Сообщение о преступлениях, сделанное лицом после предъявленного ему обвинения в совершении этих преступлений, не может рассматриваться как явка с повинной.

По приговору Рязанского областного суда от 12 февраля 2021 г. М. осужден по чч. 4 и 5 ст. 33, п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ к лишению свободы на срок одиннадцать лет с ограничением свободы на срок один год, ч. 2 ст. 222 УК РФ к лишению свободы на срок два года, ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 326 УК РФ к лишению свободы на срок один год. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний М. назначено окончательное наказание в виде лишения свободы на срок двенадцать лет с ограничением свободы на срок один год, с установлением ограничений и возложением на осужденного обязанности, предусмотренных ст. 53 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 19 апреля 2021 г. указанный приговор изменен: явка с повинной признана предусмотренным п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ обстоятельством, смягчающим наказание М. по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 326 УК РФ, назначенное на-

казание за данное преступление смягчено до девяти месяцев лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний М. определено окончательное наказание в виде лишения свободы на срок одиннадцать лет девять месяцев с ограничением свободы на срок один год, с установлением ограничений и возложением обязанности, указанных в апелляционном определении. В остальном приговор оставлен без изменения.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов осужденного просил изменить судебные решения в части назначенного М. наказания, считая его чрезмерно суровым. По мнению адвоката, суды первой и апелляционной инстанций необоснованно не учли при назначении наказания по чч. 4 и 5 ст. 33, п. “з” ч. 2 ст. 105 и ч. 2 ст. 222 УК РФ протокол явки с повинной от 18 декабря 2019 г. в качестве смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ, поскольку осужденный не имел возможности своевременно явиться с повинной ввиду его нахождения в больнице в связи с болезнью.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор и апелляционное определение без изменения, указав следующее.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания”, под явкой с повинной, которая в силу п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ является обстоятельством, смягчающим наказание, следует понимать добровольное сообщение лица о совершенном им или с его участием преступлении, сделанное в письменном или устном виде. При этом не может признаваться добровольным заявление о преступлении, сделанное лицом в связи с его задержанием по подозрению в совершении этого преступления.

Как видно из материалов дела, М. задержан 20 ноября 2019 г., допрошен 21 ноября 2019 г. в качестве подозреваемого, в отношении его 22 ноября 2019 г. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, 28 ноября 2019 г. ему предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 222 УК РФ, и в этот же день он допрошен в качестве обвиняемого.

В протоколе о явке с повинной М. от 18 декабря 2019 г. зафиксировано его сообщение о преступлениях, в совершении которых ему было предъявлено обвинение.

С учетом изложенных обстоятельств оснований для признания явки с повинной смягчающим наказание обстоятельством не имеется.

При этом не имеет значения для решения вопроса о признании явки с повинной обстоятельством, смягчающим наказание, нахождение осужденного в больнице с 29 ноября по 11 декабря 2019 г., на что указывал адвокат, поскольку данному периоду предшествовало задержание М. и предъявление ему обвинения в убийстве и незаконном обороте оружия.

При назначении наказания за каждое совершенное преступление судом учтено в качестве смягчающего наказание обстоятельства активное содействие осужденного следствию в раскрытии и расследовании преступлений, изобличении других соучастников.

Определение № 6-УД21-7-А1

Процессуальные вопросы

32. В силу положений ч. 3 ст. 240 УПК РФ приговор должен быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы судом и нашли отражение в протоколе судебного заседания.

По приговору Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга от 10 декабря 2018 г. (с учетом изменений, внесенных судами апелляционной и кассационной инстанций) Б. признан виновным и осужден по ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ за покушение на незаконный сбыт психотропного вещества — амфетамина массой не менее 2,02 г в крупном размере и наркотического средства — гашиша массой не менее 7,6 г в значительном размере, группой лиц по предварительному сговору. Преступление совершено в период с 25 по 27 мая 2018 г.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов осужденного оспаривал состоявшиеся в отношении Б. судебные решения, утверждал, что заключение эксперта от 6 июня 2018 г. в нарушение требований ст. 240 УПК РФ не было исследовано в судебном заседании, однако приведено в приговоре в качестве доказательства виновности осужденного.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор и последующие судебные решения, указав следующее.

В соответствии со ст. 240 УПК РФ в судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию. Приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании.

Согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 “О судебном приговоре” суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на имеющиеся в уголовном деле доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания.

Принимая решение о виновности осужденного Б. в совершении инкриминируемого ему преступления, суд первой инстанции сослался в приговоре на доказательство виновности осужденного, т.е. на заключение эксперта от 6 июня 2018 г., согласно которому представленное на экспертизу вещество, изъятое 27 мая 2018 г. в ходе осмотра места происшествия, является наркотическим средством.

Между тем из протокола судебного заседания следует, что указанное доказательство не оглашалось судом и не было исследовано в суде первой инстанции.

Таким образом, суд первой инстанции, оценив вышеприведенное доказательство без его исследования в рамках судебного разбирательства и фактически лишив стороны возможности всесторонне реализовать свои процессуальные права, допустил существенное нарушение уголовно-процессуального закона, которое не получило должной правовой оценки и со стороны судов апелляционной и кассационной инстанций.

Определение № 45-УД21-25-К7

33. С учетом того, что положения ст. 242 УПК РФ о неизменности состава суда относятся лишь к стадии судебного разбирательства, проведение предварительного слушания и последующего судебного разбирательства по уголовному делу двумя разными судьями не противоречит данному положению закона.

По приговору Кемеровского областного суда от 28 ноября 2019 г. (оставленному судом апелля-

ционной инстанции без изменения) С. осужден по пп. “а”, “е” ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “е” ч. 2 ст. 105 и ч. 2 ст. 167 УК РФ.

В кассационной жалобе осужденный просил отменить приговор в связи с нарушениями норм уголовно-процессуального закона, в том числе и о несменяемости судей при рассмотрении уголовного дела.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор и апелляционное определение без изменения, указав следующее.

Требование ст. 242 УПК РФ о неизменности состава суда относится лишь к стадии судебного разбирательства.

С учетом этого проведение предварительного слушания по делу судьей Г. и последующее судебное разбирательство дела по существу судьей И. не являются нарушением положений действующего законодательства.

Определение № 81-УД21-5-А5

34. Непредоставление осужденному, в отношении которого проверяется в апелляционном порядке приговор, последнего слова является основанием для отмены решения суда апелляционной инстанции.

По приговору мирового судьи судебного участка № 170 Орехово-Зуевского судебного района Московской области от 14 июля 2020 г. (оставленному судами апелляционной и кассационной инстанций без изменения) И. осужден по ч. 1 ст. 112 УК РФ. На основании п. “а” ч. 1 ст. 78 УК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 24, ч. 8 ст. 302 УПК РФ он освобожден от отбывания назначенного наказания в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев кассационную жалобу защитника, отменила апелляционное постановление и определение суда кассационной инстанции, а уголовное дело передала на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд иным составом, указав следующее.

Согласно ч. 1 ст. 389¹³ УПК РФ производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в порядке, установленном главами 35—39 УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными главой 45¹ УПК РФ. В соответствии с этим порядком после открытия председательствующим судебного заседания, объявления состава суда, участников судебного заседания, выяснения наличия у участников судебного заседания отводов и ходатайств проводится судебное следствие, состоящее из изложения судьей-докладчиком существа дела, содержания апелляционных жалоб и возражений на них, заслушивания выступлений сторон, проверки доказательств, в том числе дополнительных материалов, после чего заслушиваются судебные прения сторон, а также последнее слово лица, в отношении которого проверяется судебное решение, если это лицо участвует в судебном заседании.

Между тем из протокола судебного заседания усматривается, что суд апелляционной инстанции по окончании судебных прений, не разъясняя осужденному право выступить с последним словом и не объявляя о предоставлении ему такой возможности, удалился в совещательную комнату для принятия решения по делу и по выходе из нее огласил вынесенное им апелляционное постановление.

Исходя из приведенных выше требований непредоставление осужденному, в отношении которого проверяется приговор, последнего слова

является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влияющим на исход дела и влекущим отмену решения суда апелляционной инстанции.

Наличие в аудиозаписи заседания суда апелляционной инстанции данных о том, что председательствующий выяснял у сторон после завершения судебных прений, имеются ли у них ходатайства об исследовании дополнительных доказательств или какие-либо дополнения к выступлениям по существу дела, не может расцениваться как компенсация права осужденного на последнее слово, порядок предоставления и реализации которого регламентированы уголовно-процессуальным законом.

Замена последнего слова выступлением осужденного в иной процессуальной форме законом не допускается.

Определение № 4-УД21-22-К1

35. Нарушение права на участие в судебном заседании, выразившееся в рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции в отсутствие представителя потерпевшего при условии заявления им ходатайства об этом, влечет отмену кассационного определения.

По приговору мирового судьи судебного участка № 7 по Туймазинскому району и г. Туймазы Республики Башкортостан от 18 декабря 2019 г. Ю. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ.

Апелляционным постановлением Туймазинского межрайонного суда Республики Башкортостан от 21 мая 2020 г. приговор оставлен без изменения.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23 сентября 2020 г. вышеуказанные судебные решения в отношении Ю. оставлены без изменения.

В кассационной жалобе Р. — представитель потерпевшего ООО “А” просил кассационное определение отменить, а дело направить на новое кассационное рассмотрение, обращая внимание на следующее. Получив извещение о дате, месте и времени судебного заседания, он и Г. (также представитель потерпевшего ООО “А”) заблаговременно явились в суд, но были лишены возможности принять участие в судебном заседании, поскольку секретарь судебного заседания не проверила явку и не пригласила их в зал, где проводилось заседание.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила кассационное определение, уголовное дело передала на новое кассационное рассмотрение в тот же суд иным составом суда, указав следующее.

В соответствии с п. 14 ч. 2 ст. 42 УПК РФ потерпевший вправе участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций.

При этом, исходя из положений ч. 2 ст. 401¹³ УПК РФ и разъяснений, содержащихся в п. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 “О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве”, представители потерпевшего принимают участие в судебном заседании кассационной инстанции при условии заявления ими ходатайств об этом, а право на участие должно быть обеспечено судом, который извещает их о дате, времени и месте судебного разбирательства.

Из материалов дела следует, что на приговор и апелляционное постановление были поданы

кассационные жалобы не только осужденным, но и представителем потерпевшего ООО “А”. Жалоба осужденного была получена представителями потерпевшего Р. и Г., которые заявили о желании участвовать в заседании суда кассационной инстанции.

Постановлением судьи от 11 августа 2020 г. назначено заседание суда кассационной инстанции на 23 сентября 2020 г. в 10 ч. 00 мин. В постановлении указано, что представители потерпевшего желают участвовать в судебном заседании лично, в связи с чем постановлено известить их о дате, месте и времени и обеспечить личное участие в судебном заседании.

Из протокола судебного заседания следует, что заседание было открыто 23 сентября 2020 г. в 10 ч. 00 мин., объявлено о неявке представителей потерпевшего и с учетом мнения сторон принято решение о рассмотрении дела в их отсутствие. Причины неявки, несмотря на ранее выраженное желание об участии, не выяснялись.

Между тем из приложенных к жалобе представителя потерпевшего документов по факту проведенной Шестым кассационным судом общей юрисдикции проверки следует, что он 23 сентября 2020 г. заблаговременно прибыл в суд для участия в судебном заседании, непосредственно перед его началом ожидал вызова в зал, однако не был приглашен, и судебное заседание состоялось в его отсутствие.

Таким образом, суд кассационной инстанции рассмотрел кассационные жалобы, в том числе и представителя потерпевшего, без участия последнего, тем самым нарушил его права, не обеспечил возможность довести до суда свою позицию, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона.

Определение № 49-УД21-11-К6

36. С учетом того, что разбирательство дела в суде производится только в отношении подсудимых, использование в приговоре формулировок, свидетельствующих о виновности в совершении преступления других лиц, в том числе в отношении которых дело выделено в отдельное производство, не допускается.

По приговору Архангельского областного суда от 25 декабря 2019 г., постановленному на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, осуждены М. по п. “в” ч. 4 ст. 162, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ и К. — по пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 161 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 18 августа 2020 г. вышеуказанный приговор в отношении М. изменен в части назначения наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор и апелляционное определение изменила на основании ст. 401¹⁴ УПК РФ, указав следующее.

В силу ч. 1 ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению, суд не вправе допускать в приговоре формулировки, свидетельствующие о виновности в совершении преступления других лиц. Если дело в отношении некоторых обвиняемых выделено в отдельное производство, в приговоре указывается, что преступление совершено подсудимыми совместно с другими лицами, без упоминания их фамилий.

В нарушение вышеуказанных требований уголовно-процессуального закона суд в описательно-мотивировочной части приговора, обос-

новья квалификация действий М. и К., сделал выводы о совершении ими преступлений совместно с Б., уголовное дело в отношении которого приостановлено. Аналогичное нарушение допущено и судебной коллегией по уголовным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции, которая в апелляционном определении указала на совершение осужденными хищения совместно с Б.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор, апелляционное определение изменила, исключив из описательно-мотивировочных частей судебных решений указание на фамилию Б.

Определение № 1-УД21-3СП-А2

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

37. Решение апелляционной комиссии высшего учебного заведения является властно-распорядительным актом, возлагающим на лицо определенные обязанности, в связи с чем законность указанного решения может быть проверена в порядке, установленном Кодексом административного судопроизводства РФ.

Ж. обратился в суд с административным исковым заявлением о признании незаконным решения апелляционной комиссии высшего учебного заведения, оформленного протоколом, и возложении обязанности устранить допущенные нарушения путем внесения в указанный протокол сведений об ином результате сдачи государственного экзамена.

В обоснование заявленных требований административный истец указал, что, являясь студентом высшего учебного заведения, сдал государственный экзамен на оценку “хорошо”. Не согласившись с таким результатом, он обратился в апелляционную комиссию. Указанной комиссией вынесено решение, согласно которому протокол заседания государственной экзаменационной комиссии был аннулирован с назначением Ж. даты повторной сдачи государственного экзамена. Административный истец полагал, что у апелляционной комиссии отсутствовали полномочия для назначения ему даты повторной сдачи государственного экзамена, так как вопрос о нарушении процедуры проведения государственного экзамена Ж. не ставился.

Определением судьи суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в принятии административного искового заявления отказано на основании п. 1 ч. 1 ст. 128 КАС РФ.

При этом суды исходили из того, что доводы Ж. по существу сводятся к несогласию с итоговой оценкой, полученной им при проведении государственной итоговой аттестации. Между тем суд в данном случае не вправе оценивать степень и уровень освоения обучающимся образовательной программы, поскольку решение таких вопросов относится к компетенции административного ответчика. Помимо этого решение апелляционной комиссии не является властно-распорядительным актом, не возлагает на Ж. какие-либо обязанности, в связи с чем законность этого решения не может быть проверена в порядке, установленном Кодексом административного судопроизводства РФ.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила судебные акты и направила материал по данному административному исковому заявлению в суд первой

инстанции для рассмотрения по существу, указав следующее.

В силу ч. 1 ст. 218 КАС РФ гражданин, организация, иные лица могут обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями (включая решения, действия (бездействие) квалификационной коллегии судей, экзаменационной комиссии), должностного лица, государственного или муниципального служащего, если полагают, что нарушены или оспорены их права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению их прав, свобод и реализации законных интересов или на них незаконно возложены какие-либо обязанности.

Согласно ч. 4 ст. 59 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ “Об образовании в Российской Федерации” итоговая аттестация, завершающая освоение имеющих государственную аккредитацию основных образовательных программ, является государственной итоговой аттестацией. Государственная итоговая аттестация проводится государственными экзаменационными комиссиями в целях определения соответствия результатов освоения обучающимися основных образовательных программ соответствующим требованиям федерального государственного образовательного стандарта или образовательного стандарта.

Приказом Минобрнауки России от 29 июня 2015 г. № 636 утвержден Порядок проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета и программам магистратуры (далее — Порядок).

Пунктом 50 Порядка предусмотрено, что обучающийся имеет право подать в апелляционную комиссию письменную апелляцию о нарушении, по его мнению, установленной процедуры проведения государственного аттестационного испытания и (или) несогласии с результатами государственного экзамена.

В частности, при рассмотрении апелляции о несогласии с результатами государственного экзамена апелляционная комиссия выносит одно из следующих решений: об отклонении апелляции и сохранении результата государственного экзамена; об удовлетворении апелляции и выставлении иного результата государственного экзамена.

Решение апелляционной комиссии является основанием для аннулирования ранее выставленного результата государственного экзамена и выставления нового (п. 55 Порядка).

Из содержания административного искового заявления и приложенных к нему материалов следовало, что в обоснование заявленных требований Ж. ссылался на нарушение апелляционной комиссией установленной приведенными выше нормами процедуры рассмотрения поданной им апелляции.

В этой связи Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ, учитывая в том числе и то обстоятельство, что в результате принятия оспариваемого решения Ж. был вынужден повторно пройти государственную итоговую аттестацию для получения диплома о высшем образовании, пришла к выводу о возможности проверки законности указанного ре-

шения апелляционной комиссии, являющегося властно-распорядительным актом, в порядке, установленном Кодексом административного судопроизводства РФ.

Определение № 89-КАД21-1-К7

38. В границах зон с особыми условиями использования территорий, установленных в том числе в силу закона, до 1 января 2022 г. (за исключением зон с особыми условиями использования территорий, указанных в ч. 27 ст. 26 Федерального закона “О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации”), независимо от ограничений использования земельных участков, установленных в границах таких зон, допускается использование земельных участков для строительства объектов капитального строительства на основании разрешений на строительство, выданных до 1 января 2022 г., а также использование зданий, сооружений, которые построены, реконструированы в соответствии с их видом разрешенного использования (назначения).

М. обратилась в суд с административным исковым заявлением о признании незаконным выданного органом местного самоуправления уведомления о несоответствии возведенного объекта индивидуального жилищного строительства требованиям законодательства о градостроительной деятельности (далее — уведомление).

В обоснование заявленных требований истец указала следующее. Она является собственником земельного участка, предоставленного для индивидуального жилищного строительства. На основании разрешения на строительство ею на указанном земельном участке возведен индивидуальный жилой дом, соответствующий параметрам, определенным в градостроительном плане земельного участка. Органом местного самоуправления ей выдано оспариваемое уведомление, из содержания которого следовало, что на основании правил землепользования и застройки муниципального образования названный выше земельный участок полностью расположен в границах санитарно-защитной зоны нефтяной скважины. Административный истец полагала, что оспариваемое уведомление не соответствует закону, нарушает ее права и законные интересы, поскольку нефтяная скважина, на расстоянии 114,4 м от устья которой находится земельный участок, ликвидирована в 1997 году, а сведения о наличии санитарно-защитной зоны в Едином государственном реестре недвижимости (далее — ЕГРН) отсутствуют.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено, уведомление признано незаконным, на орган местного самоуправления возложена обязанность в установленный законом срок повторно рассмотреть уведомление М. об окончании строительства на указанном земельном участке.

При этом суд исходил из того, что решение об установлении санитарно-защитной зоны для нефтяных скважин соответствующим органом не принималось, какие-либо материалы в орган, уполномоченный на осуществление государственного кадастрового учета, не направлялись, в связи с чем санитарно-защитная зона для данных скважин не считается установленной. По сведениям ЕГРН в отношении указанного участка никаких ограничений относительно его расположения в санитарно-защитной зоне нефтяной скважины не имеется. Данный земельный участок находится в зоне жилой застройки, смежные с ним

участки застроены индивидуальными жилыми домами, строительство жилого дома осуществлялось М. на основании соответствующего разрешения.

Суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился кассационный суд общей юрисдикции, отменил указанное решение суда первой инстанции и принял новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления.

По мнению суда апелляционной инстанции, руководствовавшегося п. 3 ч. 8, ч. 10 ст. 26 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 342-ФЗ “О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Федеральный закон № 342-ФЗ), несмотря на то, что соответствующее решение об установлении санитарно-защитных зон нефтяных скважин Главным государственным санитарным врачом субъекта РФ или его заместителем не принималось, а сведения о них в ЕГРН не внесены, данные зоны с особыми условиями использования территорий являются установленными, в связи с чем размещение жилых зданий на земельных участках в границах таких зон запрещается.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 4 ч. 20 ст. 55 Градостроительного кодекса РФ уведомление о несоответствии построенных или реконструированных объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома требованиям законодательства о градостроительной деятельности направляется в том числе в случае, если размещение объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома не допускается в соответствии с ограничениями, установленными земельным и иным законодательством Российской Федерации на дату поступления уведомления об окончании строительства, за исключением случаев, если указанные ограничения предусмотрены решением об установлении или изменении зоны с особыми условиями использования территории, принятым в отношении планируемого к строительству, реконструкции объекта капитального строительства, и такой объект капитального строительства не введен в эксплуатацию.

Судом установлено, что нефтяная скважина, принадлежащая юридическому лицу и указанная в уведомлении, ликвидирована в 1997 году.

Земельный участок, собственником которого является М., находится в границах отвода нефтяного месторождения на расстоянии 114,4 м от устья ликвидированной скважины и полностью расположен в границах санитарно-защитной зоны пьезометрических скважин на расстоянии 158 м от их устьев.

Указанные санитарно-защитные зоны отображены в правилах землепользования и застройки, однако сведения о них в ЕГРН не внесены.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ признала правильными выводы судов апелляционной и кассационной инстанций о том, что в силу п. 3 ч. 8, ч. 10 ст. 26 Федерального закона № 342-ФЗ, требований санитарных норм проектирования промышленных предприятий (СН 245-71), утвержденных постановлением Госстроя СССР от 5 ноября 1971 г.

№ 179, санитарных правил “Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов. СанПиН 2.2.1/2.1.1.984-00”, утвержденных Главным государственным санитарным врачом РФ 31 июля 2000 г., санитарно-защитные зоны названных выше скважин считаются установленными.

Вместе с тем Судебная коллегия указала, что вывод судебных инстанций об отсутствии у административного ответчика правовых оснований для направления М. уведомления о соответствии построенного объекта индивидуального жилищного строительства требованиям законодательства о градостроительной деятельности сделан без учета норм ч. 33 ст. 26 Федерального закона № 342-ФЗ, согласно которой в границах зон с особыми условиями использования территорий, установленных в том числе в силу закона, до 1 января 2022 г. (за исключением зон с особыми условиями использования территорий, указанных в ч. 27 названной статьи, — зон с особыми условиями использования территории, которые установлены до 1 января 2022 г. и сведения о границах которых внесены в ЕГРН), независимо от ограничений использования земельных участков, установленных в границах таких зон, допускаются использование земельных участков для строительства, реконструкции объектов капитального строительства на основании разрешений на строительство, выданных до 1 января 2022 г., или в случае начала строительства, реконструкции объектов капитального строительства до 1 января 2022 г., если для строительства, реконструкции указанных объектов капитального строительства не требуется выдача разрешений на строительство (п. 2); использование зданий, сооружений, права на которые возникли у граждан или юридических лиц до 1 января 2022 г. или которые построены, реконструированы в соответствии с п. 2 данной части и в соответствии с их видом разрешенного использования (назначения) (п. 3).

Судом установлено, что принадлежащий административному истцу на праве собственности земельный участок с видом разрешенного использования “для индивидуальной жилой застройки” расположен на землях населенного пункта. Каких-либо сведений об ограничениях (обременениях) в отношении указанного земельного участка на момент его предоставления и регистрации права собственности не имелось.

Разрешение на строительство индивидуального жилого дома выдано в апреле 2013 г. сроком на 10 лет; в соответствии с указанным разрешением М. возвела на названном земельном участке индивидуальный жилой дом.

Кроме того, границы санитарно-защитной зоны нефтяных скважин отображены в правилах землепользования и застройки через год после выдачи разрешения на строительство индивидуального жилого дома. Выданный градостроительный план указанного земельного участка сведений о наличии ограничений в использовании для целей индивидуального жилищного строительства не содержал.

При таких обстоятельствах принятые по делу определения судов апелляционной и кассационной инстанций признаны Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда РФ незаконными и отменены с оставлением в силе решения суда первой инстанции.

Определение № 71-КАД21-6-КЗ

39. Жилые помещения, занимаемые инвалидами, могут признаваться не отвечающими специальным требованиям доступности для инвалидов и непригодными для их проживания и в тех случаях, когда такие жилые помещения расположены в индивидуальных жилых домах.

М., являющаяся инвалидом первой группы бессрочно, имеющая третью степень ограничения способности к трудовой деятельности, использующая по состоянию здоровья для передвижения кресло-коляску и проживающая в индивидуальном жилом доме, принадлежащем на праве собственности другому лицу, обратилась в суд с административным иском заявлением об оспаривании заключения межведомственной комиссии о признании жилого помещения, в котором она проживает, пригодным для постоянного проживания, просила возложить на орган местного самоуправления обязанность провести повторное обследование помещения.

В обоснование заявленных требований М. указала, что названное заключение является необоснованным, а признание жилого помещения непригодным для ее проживания как инвалида первой группы, использующего в связи с заболеванием кресло-коляску, необходимо для постановки на учет в качестве нуждающейся в жилом помещении в целях получения субсидии на строительство или приобретение жилья, поскольку иным способом улучшить жилищные условия не представляется возможным.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено, оспариваемое заключение признано незаконным, на орган местного самоуправления возложена обязанность провести повторное обследование жилого помещения на предмет оценки его пригодности (непригодности) для постоянного проживания инвалида первой группы, использующего в связи с заболеванием кресло-коляску.

При этом суд исходил из того, что при обследовании жилого помещения межведомственной комиссии надлежало провести его оценку на предмет пригодности для проживания инвалида первой группы, поскольку именно такой вопрос ставился М. при обращении в орган местного самоуправления. Однако межведомственная комиссия уклонилась от принятия решения по существу заявления.

Апелляционным определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения кассационным судом общей юрисдикции, решение суда первой инстанции отменено в части возложения на орган местного самоуправления обязанности провести повторное обследование жилого помещения; в этой части принято новое решение об отказе в удовлетворении заявленных требований. В остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

При этом суд исходил из того, что отдельные жилые помещения (комната, квартира), занимаемые инвалидами, могут быть признаны комиссией непригодными для их проживания на основании заключения об отсутствии возможности приспособления таких помещений для нужд инвалидов только в многоквартирном доме, но не в индивидуальном жилом доме.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ с такими выводами судов апелляционной и кассационной инстанций не согласилась, отменила вынесенные ими судебные акты и оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

К полномочиям органов местного самоуправления в области жилищных отношений согласно п. 8 ч. 1 ст. 14 ЖК РФ относится признание в установленном порядке жилых помещений муниципального и частного жилищного фонда непригодными для проживания, многоквартирных домов, за исключением многоквартирных домов, все жилые помещения в которых находятся в собственности Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, аварийными и подлежащими сносу или реконструкции.

Таким образом, Закон предусматривает возможность признания непригодными для проживания жилых помещений как в многоквартирных, так и в частных жилых домах.

Постановлением Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 утверждено Положение о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом (далее — Положение). Согласно содержанию п. 1 данного Положения установлены требования к жилому помещению, порядок признания жилого помещения пригодным для проживания и основания, по которым жилое помещение признается непригодным для проживания.

В силу п. 2 Положения его действие распространяется на находящиеся в эксплуатации жилые помещения независимо от формы собственности, расположенные на территории Российской Федерации.

При этом жилым помещением признается в том числе жилой дом, т.е. индивидуально-определенное здание, которое состоит из комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в нем (п. 5 Положения).

В соответствии с п. 8 Положения орган местного самоуправления при наличии обращения собственника помещения принимает решение о признании частных жилых помещений, находящихся на соответствующей территории, пригодными (непригодными) для проживания граждан на основании соответствующего заключения комиссии.

Согласно п. 54 Положения отдельные занимаемые инвалидами жилые помещения (комната, квартира) могут быть признаны комиссией непригодными для проживания граждан и членов их семей на основании заключения об отсутствии возможности приспособления жилого помещения инвалида и общего имущества в многоквартирном доме, в котором проживает инвалид, с учетом потребностей инвалида и обеспечения условий их доступности для инвалида, вынесенного в соответствии с п. 20 Правил обеспечения условий доступности для инвалидов жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства РФ от 9 июля 2016 г. № 649 “О мерах по приспособлению жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме с учетом потребностей инвалидов” (далее также — Правила).

Правила согласно п. 1 устанавливают порядок обеспечения условий доступности для инвалидов жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме и требования по приспособлению жилых помещений в многоквартирном доме с учетом потребностей инвалидов.

В силу п. 2 Правил они применяются к жилым помещениям, входящим в состав жилищного фонда Российской Федерации, жилищного фонда субъектов Российской Федерации, муниципального жилищного фонда, частного жилищного фонда, занимаемым инвалидами и семьями, имеющими детей-инвалидов, и используемым для их постоянного проживания.

Таким образом, жилое помещение, в котором проживает инвалид, подлежит признанию непригодным для проживания в случае невозможности приспособления этого помещения с учетом потребностей инвалида и обеспечения условий его доступности для него.

В связи с этим Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ признала обжалуемые судебные акты, принятые без учета требований приведенных выше нормативных правовых актов, незаконными, поскольку в результате их принятия административный истец, являющийся инвалидом, был фактически лишен права на обследование жилого дома, в котором он проживает, на предмет возможности приспособления его с учетом соответствующих потребностей и обеспечения условий его доступности, что в свою очередь поставило М. в неравное положение по сравнению с инвалидами, проживающими в многоквартирных домах.

Определение № 3-КАД21-5-К3

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

40. Орган местного самоуправления является субъектом административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.34 КоАП РФ и выражающегося в несоблюдении требований по обеспечению безопасности дорожного движения при содержании дорог, если нормативными правовыми актами на этот орган возложены соответствующие полномочия, у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых названным Кодексом предусмотрена административная ответственность, но данным органом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Постановлением мирового судьи администрация муниципального образования признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.34 КоАП РФ, и подвергнута административному наказанию в виде административного штрафа.

Решением судьи городского суда постановление мирового судьи изменено, в том числе в части размера назначенного административного штрафа.

Постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции указанные судебные акты оставлены без изменения.

В соответствии с ч. 1 ст. 12.34 КоАП РФ несоблюдение требований по обеспечению безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, ремонте и содержании дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений либо непринятие мер по своевременному устранению помех в дорожном движении, по осуществлению временного ограничения или прекращения движения транспортных средств на отдельных участках дорог в случаях, если пользование такими участками угрожает безопасности дорожного движения, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц, ответственных за состояние дорог, железнодорожных

переездов или других дорожных сооружений, а также на юридических лиц.

В силу ст. 2 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ “О безопасности дорожного движения” обеспечение безопасности дорожного движения — это деятельность, направленная на предупреждение причин возникновения дорожно-транспортных происшествий, снижение тяжести их последствий.

Согласно п. 1 ст. 12 данного Закона ремонт и содержание дорог на территории Российской Федерации должны обеспечивать безопасность дорожного движения.

В соответствии с пп. 6, 12 ст. 3 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ “Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон № 257-ФЗ) содержание дорог относится к дорожной деятельности и определено как комплекс работ по поддержанию надлежащего технического состояния автомобильной дороги, оценке ее технического состояния, а также по организации и обеспечению безопасности дорожного движения.

Пунктом 2 ст. 12 Федерального закона “О безопасности дорожного движения” предусмотрено, что обязанность по обеспечению соответствия состояния дорог при их содержании установленным техническим регламентам и другим нормативным документам возлагается на лиц, осуществляющих содержание автомобильных дорог.

Осуществление дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог местного значения обеспечивается уполномоченными органами местного самоуправления (ч. 3 ст. 15 Закона № 257-ФЗ).

Исходя из содержания п. 5 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” (в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для возбуждения дела об административном правонарушении) дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах муниципального, городского округа и обеспечение безопасности дорожного движения на них, включая создание и обеспечение функционирования парковок (парковочных мест), осуществление муниципального контроля за сохранностью автомобильных дорог местного значения в границах муниципального, городского округа, организация дорожного движения, а также осуществление иных полномочий в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации относятся к вопросам местного значения муниципального, городского округа.

Аналогичные положения воспроизведены в п. 5 ст. 7 Устава муниципального образования.

Положениями пп. 6, 11 ч. 1 ст. 13 Закона № 257-ФЗ к полномочиям органов местного самоуправления городских поселений, муниципальных районов, городских округов в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности отнесено в числе прочего осуществление дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог местного значения; утверждение нормативов финансовых затрат на капитальный ремонт, ремонт, содержание автомобильных дорог местного значения и правил

расчета размера ассигнований местного бюджета на указанные цели.

В силу п. 3.4.10 Положения об администрации города, утвержденном решением городского Совета депутатов, администрация осуществляет дорожную деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах города, а также иные полномочия в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности в соответствии с федеральным законодательством.

Согласно п. 8.1 “ГОСТ Р 50597-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Дороги автомобильные и улицы. Требования к эксплуатационному состоянию, допустимому по условиям обеспечения безопасности дорожного движения. Методы контроля” (утвержден приказом Росстандарта от 26 сентября 2017 г. № 1245-ст, далее — ГОСТ Р 50597-2017) на покрытии проезжей части дорог и улиц не допускаются наличие снега и зимней скользкости (таблица В.1 приложения В) после окончания работ по их устранению, осуществляемых в сроки по таблице 8.1.

В таблице В.1 приложения В “Виды снежно-ледяных образований на покрытии проезжей части, обочин и тротуаров” зимней скользкостью признается в том числе уплотненный снег, снежный накат, т.е. слой снега, образующийся в результате его уплотнения на дорожном покрытии транспортными средствами, на посадочных площадках остановок маршрутных транспортных средств, на тротуарах — пешеходами или механизированной уборкой.

Пункт 8.8 ГОСТ Р 50597-2017 предусматривает, что формирование снежных валов на улицах не допускается ближе 10 м от пешеходного перехода.

Как видно из материалов дела, в ходе повседневного надзора за состоянием автомобильных дорог уполномоченным должностным лицом выявлено, что администрация не выполнила требования по обеспечению безопасности дорожного движения при содержании улично-дорожной сети города, допустив нарушение пп. 8.1, 8.8 ГОСТ Р 50597-2017.

Приведенные обстоятельства послужили основанием для составления в отношении администрации протокола об административном правонарушении и привлечения ее постановлением мирового судьи, с выводами которого согласились вышестоящие судебные инстанции, к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 12.34 КоАП РФ.

Факт совершения администрацией указанного административного правонарушения подтвержден собранными по делу доказательствами, которым дана надлежащая оценка на предмет допустимости, достоверности и достаточности по правилам ст. 26.11 КоАП РФ.

Частью 2 ст. 2.1 КоАП РФ закреплено, что юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых названным Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Обязанности, возложенные на администрацию как лицо, ответственное за содержание автомобильных дорог местного значения, положениями приведенных выше норм, не выполнены. При этом, как установлено в ходе производства по

делу, первым заместителем главы города муниципальный контракт на выполнение работ по содержанию улично-дорожной сети муниципального образования заключен не был.

Администрация, имея возможности для соблюдения правил и норм, за нарушение которых Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность, не приняла все зависящие от нее меры по их соблюдению.

Следовательно, вывод судебных инстанций о наличии в бездействии администрации состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.34 КоАП РФ, соответствует фактическим обстоятельствам дела и имеющимся доказательствам.

С учетом изложенного вынесенные по делу судебные акты были оставлены судьей Верховного Суда РФ без изменения.

Постановление № 47-АД21-6-К6

41. Приостановление деятельности юридического лица в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) не освобождает его должностное лицо от выполнения предусмотренной законом обязанности по представлению в установленный законом срок сведений (документов), необходимых для ведения индивидуального (персонифицированного) учета в системе обязательного пенсионного страхования. Невыполнение данной обязанности влечет административную ответственность по ст. 15.33² КоАП РФ.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, директор общества С. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 15.33² КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

Пунктом 1 ст. 11 Федерального закона от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ “Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования” (далее — Закон № 27-ФЗ) (здесь и далее нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для возбуждения дела об административном правонарушении) установлено, что страхователи представляют предусмотренные пп. 2—2² и 2⁴ данной статьи сведения для индивидуального (персонифицированного) учета в органы Пенсионного фонда РФ по месту их регистрации.

Согласно п. 2² указанной статьи страхователь ежемесячно не позднее 15-го числа месяца, следующего за отчетным периодом — месяцем, представляет сведения о каждом работающем у него застрахованном лице (включая лиц, заключивших договоры гражданско-правового характера, предметом которых являются выполнение работ, оказание услуг, договоры авторского заказа, договоры об отчуждении исключительного права на произведения науки, литературы, искусства, издательские лицензионные договоры, лицензионные договоры о предоставлении права использования произведения науки, литературы, искусства, в том числе договоры о передаче полномочий по управлению правами на коллективной основе): страховой номер индивидуального лицевого счета; фамилию, имя и отчество; идентификационный номер налогоплательщика (при наличии у страхователя данных об идентификационном номере налогоплательщика застрахованного лица).

В соответствии со ст. 15.33² КоАП РФ непредставление в установленный законодательством Российской Федерации об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования срок либо отказ от представления в органы Пенсионного фонда РФ оформленных в установленном порядке сведений (документов), необходимых для ведения индивидуального (персонифицированного) учета в системе обязательного пенсионного страхования, а равно представление таких сведений в неполном объеме или в искаженном виде влечет наложение административного штрафа на должностных лиц.

Директор общества С. в нарушение п. 2² ст. 11 Закона № 27-ФЗ не представил в установленный данной нормой срок (не позднее 15 июля 2020 г.) в Управление Пенсионного фонда РФ по области (далее — управление) за отчетный период — июнь 2020 г. сведения, необходимые для ведения индивидуального (персонифицированного) учета в системе обязательного пенсионного страхования.

Отчет по форме СЗВ-М “Сведения о застрахованных лицах” за июнь 2020 г. поступил в управление 18 июля 2020 г. по электронным каналам связи.

Фактические обстоятельства дела подтверждены собранными доказательствами, получившими оценку с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности по правилам ст. 26.11 КоАП РФ.

Доводы С. о том, что в связи с пандемией, вызванной вирусным инфекционным заболеванием COVID-19, и с учетом утвержденных постановлением Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, деятельность общества была приостановлена в период с 14 мая 2020 г. по 17 июля 2020 г., не ставят под сомнение выводы мирового судьи о наличии в бездействии директора общества С. состава административного правонарушения и законность принятых по делу судебных актов, поскольку приостановление деятельности юридического лица не освобождает его должностное лицо от выполнения предусмотренной законом обязанности по представлению в установленный законом срок сведений (документов), необходимых для ведения индивидуального (персонифицированного) учета в системе обязательного пенсионного страхования.

При таких обстоятельствах состоявшиеся по делу судебные решения судье Верховного Суда РФ оставлены без изменения.

Постановление № 57-АД21-5-К1

42. Практика применения судами общей юрисдикции ч. 1¹ ст. 6.13 КоАП РФ.

Статьей 46 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ “О наркотических средствах и психотропных веществах” установлен запрет на пропаганду в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ и в сфере культивирования наркосодержащих растений.

Нарушение положений указанной статьи влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации, в частности, административную ответственность, предусмотренную Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 512-ФЗ “О внесении изменений в Кодекс Рос-

сийской Федерации об административных правонарушениях” ст. 6.13 КоАП РФ дополнена новой ч. 1¹, устанавливающей административную ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо новых потенциально опасных психоактивных веществ с использованием информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”.

Санкция указанной нормы предусматривает наложение административного штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей; на должностных лиц — от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, — от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток; на юридических лиц — от одного миллиона до одного миллиона пятисот тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток.

Срок давности привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного названной нормой, составляет 1 год и исчисляется со дня обнаружения административного правонарушения.

Верховным Судом РФ совместно с кассационными судами общей юрисдикции проведен мониторинг практики применения положений ч. 1¹ ст. 6.13 КоАП РФ, в связи с чем обращается внимание судов на следующее.

1. Размещение в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” в свободном публичном доступе фотографий, изображений, аудио- и видеопроизведений, пропагандирующих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, растения, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, их части, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо новые потенциально опасные психоактивные вещества (далее — наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры), подлежит квалификации по ч. 1¹ ст. 6.13 КоАП РФ.

Так, индивидуальный предприниматель М. разместил в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” в видеохостинге в открытом доступе аудио- и видеопроизведения, из содержания текста которых усматривалась пропаганда наркотических средств.

Вывод о наличии в действиях М. состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1¹ ст. 6.13 КоАП РФ, сделан судьей районного суда на основании собранных по делу доказательств, в том числе с учетом заключений экспертов, в которых отмечено, что в размещенных в видеохостинге аудио- и видеопроизведениях дается положительная оценка наркотикам и допустимости их употребления.

Постановлением судьи районного суда индивидуальному предпринимателю М. назначено административное наказание в виде административного штрафа.

В другом случае Ш. разместил на своей странице в социальной сети, открытой для неопределенного круга лиц, файлы с изображением листьев по внешнему виду схожих с листьями растения конопли, а также с изображениями, указывающи-

ми на способы употребления наркотических средств, т.е. допустил пропаганду растения, содержащего наркотические средства (каннабиноиды), с использованием информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”.

Постановлением судьи районного суда Ш. привлечен к административной ответственности по ч. 1¹ ст. 6.13 КоАП РФ с назначением административного наказания в виде административного штрафа.

2. Под пропагандой наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров с использованием информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” следует понимать деятельность, осуществляемую физическими или юридическими лицами в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” и направленную на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений, а также совершение иных действий в целях побуждения интереса у зрителя (читателя) к наркотическим средствам, психотропным веществам и их прекурсорам, способам их употребления и т.д.; формирования представления о факте потребления наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров для достижения состояния наркотического опьянения как допустимого, желательного.

Например, постановлением судьи городского суда У. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1¹ ст. 6.13 КоАП РФ, в связи с тем, что разместил в социальной сети в свободном доступе для других лиц видеофайлы, на которых демонстрировались наркотические средства, способы их выращивания, а также давалась положительная оценка действиям, связанным с их употреблением.

В ходе рассмотрения в отношении У. дела об административном правонарушении судья городского суда пришел к выводу, что размещение им в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” видео, на которых изображались наркотические средства, является пропагандой наркотических средств, направленной на формирование у лиц его просматривающих, позитивного представления о наркотических средствах, в том числе на достижение состояния наркотического опьянения как желательного.

За совершенное административное правонарушение У. подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа.

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

43. Административное исковое заявление может быть подано в суд в течение 3 месяцев со дня, когда гражданину, организации, иному лицу стало известно о нарушении их прав, свобод и законных интересов.

Решением Архангельского гарнизонного военного суда от 18 мая 2020 г., оставленным без изменения апелляционным определением Северного флотского военного суда от 30 июля 2020 г., Ф. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконным отказ начальника ФГКУ “Северное региональное управление жилищного обеспечения” Минобороны России (далее —

ФГКУ “Северрегионжилье”) внести изменения в реестр участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (далее — реестр участников НИС), по мотиву пропуска срока обращения в суд.

Кассационным определением Кассационного военного суда от 22 декабря 2020 г. судебные акты оставлены без изменения.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ судебные акты в указанной части отменила, направила дело на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что старшина 1 статьи Ф., проходящий с января 2009 г. военную службу по контракту, 25 июня 2012 г. обратился с рапортом к командиру воинской части о включении в реестр участников НИС, который уполномоченным на тот момент жилищным органом был оставлен без реализации. 10 сентября 2013 г. Ф. подал аналогичный рапорт, на основании которого был включен в реестр участников НИС с 10 сентября 2013 г. С уведомлением о включении в указанный реестр административный истец был ознакомлен 11 ноября 2014 г.

Факт несвоевременного представления в ФГКУ “Северрегионжилье” документов на включение военнослужащих, в том числе Ф., в реестр участников НИС был установлен в ходе прокурорской проверки, по результатам которой вынесено представление и принесен протест в адрес командира воинской части о необходимости восстановления их нарушенных прав.

29 января 2018 г. Ф. обратился по команде с рапортом об изменении даты включения его в реестр участников НИС на 25 июня 2012 г.

В свою очередь, командир воинской части дважды, 5 февраля и 13 августа 2018 г., направлял начальнику ФГКУ “Северрегионжилье” комплект документов об изменении в отношении Ф. даты включения его в реестр участников НИС, в том числе и рапорт Ф. от 25 июня 2012 г., который в установленном порядке был зарегистрирован в журнале учета входящих документов воинской части на момент его подачи.

Уведомлением ФГКУ “Северрегионжилье” от 9 июля 2019 г. командиру воинской части сообщено об оставлении документов в отношении Ф. без реализации.

После доведения до административного истца указанного уведомления и в связи с отсутствием обоснования причин оставления документов без реализации Ф. обратился по команде за разрешением обратиться в жилищный орган за разъяснением этих причин.

16 декабря 2019 г. командир воинской части обратился к начальнику ФГКУ “Северрегионжилье” с просьбой о разъяснении причин оставления без реализации пакета документов об изменении даты включения Ф. в реестр участников НИС.

15 января 2020 г. в адрес командира воинской части из ФГКУ “Северрегионжилье” поступил ответ, согласно которому Ф. включен в реестр участников НИС на основании его лично добровольно подписанного рапорта, а представленные командованием материалы направлены в военную прокуратуру для проверки их достоверности, в связи с чем не могли быть приняты к учету.

Отказывая в удовлетворении административного искового заявления по мотиву пропуска срока обращения в суд, гарнизонный военный

суд исходил из того, что Ф. действия должностных лиц и органов военного управления, связанные с нереализацией его рапорта от 25 июня 2012 г., не оспаривал. 11 ноября 2014 г. Ф. ознакомился с уведомлением о включении его в реестр участников НИС с 10 сентября 2013 г., и с этого дня ему стало известно о нарушении его прав. Кроме того, в изменении даты включения в реестр участников НИС Ф. фактически было отказано 9 июля 2019 г., однако за судебной защитой своих прав он обратился лишь 14 марта 2020 г.

Между тем такие выводы основаны на неправильном применении процессуального закона и неверном определении имеющих значение для дела обстоятельств.

В соответствии с ч. 1 ст. 218 КАС РФ гражданин и иные лица могут обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, государственного или муниципального служащего, если полагают, что нарушены или оспорены их права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению их прав, свобод и реализации законных интересов или на них незаконно возложены какие-либо обязанности.

В силу ч. 1 ст. 219 КАС РФ административное исковое заявление может быть подано в суд в течение 3 месяцев со дня, когда гражданину, организации, иному лицу стало известно о нарушении их прав, свобод и законных интересов.

При этом согласно ч. 3 ст. 92 КАС РФ течение процессуального срока, исчисляемого годами, месяцами или днями, начинается на следующий день после даты или наступления события, которыми определено его начало.

В суде установлено, что событием, послужившим поводом для обращения в гарнизонный военный суд и с которым Ф. связывает нарушение своих прав, является оставление жилищным органом в 2019 году без реализации представленных командованием по его рапорту от 29 января 2018 г. документов об изменении даты его включения в реестр участников НИС. В этой связи в административном исковом заявлении Ф. просил суд признать незаконным отказ жилищного органа в изменении даты его включения в реестр участников НИС.

Таким образом, в качестве предмета административного спора Ф. в административном исковом заявлении указал именно это решение жилищного органа, в котором, по сути, содержался отказ в изменении даты включения его в указанный реестр.

Следовательно, каких-либо законных оснований учитывать в целях исчисления установленного ч. 1 ст. 219 КАС РФ срока иное событие, отличное от указанного административным истцом в исковом заявлении, с которым он не связывает нарушение своих прав, и подменять тем самым заявленный им предмет спора у суда не имелось.

Ф. оспорил в суде именно отказ жилищного органа во внесении изменений в его жилищное дело, который подлежал правовой оценке судом применительно к требованиям ч. 9 ст. 226 КАС РФ.

В связи с этим периоды обращения Ф. с рапортами о включении его в реестр участников НИС в 2012 и 2013 годах и сам факт включения

Ф. в этот реестр, о котором он узнал в 2014 году, не имели правового значения для установления предусмотренных ст.ст. 92, 93 и 95 КАС РФ обстоятельств.

Отсутствие возможности своевременно оспорить решение жилищного органа, принятое 9 июля 2019 г. по рапорту Ф. об изменении даты включения его в реестр участников НИС, обусловлено тем, что взаимодействие по его жилищному вопросу происходило исключительно между командованием, к которому им подавался соответствующий рапорт, и жилищным органом.

Каждый раз информация о принятых жилищным органом решениях до сведения Ф. доводилась не жилищным органом, а командованием.

Причины оставления жилищным органом в 2019 году документов Ф. без реализации, позволяющие достоверно судить о возможном нарушении прав административного истца и об отказе в изменении даты включения его в реестр участников НИС, стали известны ему лишь после обращения к командиру воинской части и получения из ФГКУ «Северрегионжилье» соответствующего ответа 15 января 2020 г., который был доведен до сведения административного истца только в конце января 2020 г.

Этим обстоятельствам судом не дано должной оценки, хотя они имеют существенное значение для принятия решения в части пропуска либо соблюдения административным истцом срока обращения в суд.

Определение № 227-КА21-4-К10

По гражданским делам

44. Началом течения срока исковой давности следует считать день, когда любое заинтересованное лицо (в том случае, если их несколько и все они структурно входят в один федеральный орган исполнительной власти) узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Решением Екатеринбургского гарнизонного военного суда от 11 марта 2020 г., оставленным без изменения апелляционным определением Центрального окружного военного суда от 10 июня 2020 г., удовлетворено исковое заявление федерального казенного учреждения «Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации» (далее — Единый расчетный центр), в котором истец просил взыскать с С. излишне выплаченную в 2013 году ежемесячную премию за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей в размере 97 875 руб. Определением Кассационного военного суда от 21 октября 2020 г. решение суда первой инстанции и апелляционное определение окружного военного суда оставлены без изменения.

Рассмотрев материалы гражданского дела по кассационной жалобе ответчика С., Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, а дело направила на новое рассмотрение в Екатеринбургский гарнизонный военный суд, указав в обоснование следующее.

Из материалов дела следует, что С., состоящий в распоряжении командующего войсками Центрального военного округа, приказом названного воинского должностного лица от 28 июня 2011 г. поставлен на все виды довольствия в воинской части.

В период с января по декабрь 2013 г. включительно С. наряду с денежным довольствием как военнослужащему, состоящему в распоряжении, выплачивалась ежемесячная премия за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей в размере 97 875 руб., выплата которой не предусмотрена постановлением Правительства РФ от 5 декабря 2011 г. № 993 «О выплате военнослужащим премии за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей и ежегодной материальной помощи» для военнослужащих, состоящих в распоряжении командира.

С 1 января 2014 г. выплата С. премии прекращена.

Приказом командующего войсками Центрального военного округа от 2 сентября 2016 г. ответчик уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и приказом командира воинской части от 21 октября 2016 г. исключен из списков личного состава воинской части.

По результатам проведения контрольно-финансовой инспекцией Минобороны России контрольных мероприятий в период с 15 ноября по 22 декабря 2016 г. установлена переплата С. ежемесячной премии за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей в размере 97 875 руб.

Проведенным в воинской части в октябре 2019 г. служебным расследованием установлено, что выплата ответчику ежемесячной премии в 2013 году произошла по вине специалистов управления кадров штаба Центрального военного округа, отвечавших в тот период за своевременное внесение в автоматизированную систему сведений об изменении служебного положения военнослужащих.

Приказом командира воинской части от 12 декабря 2019 г. начальнику отделения кадров предписано направить в Единый расчетный центр соответствующие документы для принятия мер.

23 декабря 2019 г. Единый расчетный центр обратился в суд с исковым заявлением о взыскании с ответчика излишне выплаченной премии за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей.

Разрешая спор и удовлетворяя исковое заявление, суд первой инстанции исходил из того, что выплата С. излишних денежных средств произошла в отсутствие законных оснований, в связи с чем запрет на взыскание данной суммы, предусмотренный ст. 1109 ГК РФ, в рассматриваемом деле применен быть не может. Кроме того, суд посчитал, что Единый расчетный центр обратился с исковым заявлением в пределах срока исковой давности, поскольку необходимые для этого документы истцом были получены из воинской части накануне такого обращения.

С данными выводами согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Между тем такие выводы судов не соответствуют обстоятельствам дела и основаны на неправильном применении норм права.

Согласно ст. 196 ГК РФ общий срок исковой давности составляет 3 года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 ГК РФ.

В соответствии с п. 1 ст. 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

В суде установлено, что выплата С. ежемесячной премии за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей, право на которую он не имел, прекращена с 1 января 2014 г.

Данное обстоятельство указывает на устранение допущенного в 2013 году нарушения расходования денежных средств и наличие оснований для принятия решения о возмещении причиненного ущерба и привлечении к ответственности виновных лиц.

Однако в материалах дела отсутствуют сведения, указывающие на своевременное принятие должностными лицами Минобороны России меры к возмещению ущерба, а суд их не истребовал, хотя исследование этих обстоятельств имеет существенное значение для дела.

Кроме того, проведенными в воинской части в период с 15 ноября по 22 декабря 2016 г. контрольными мероприятиями установлена переплата С. ежемесячной премии за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей в размере 97 875 руб.

Служебное разбирательство по данному факту проведено в воинской части лишь в октябре 2019 г., по результатам которого командир воинской части предписал направить в Единый расчетный центр соответствующие документы для принятия мер.

Данных, которые объективно препятствовали командиру воинской части обратиться в суд с исковым заявлением как после 1 января 2014 г. (даты устранения допущенного в 2013 году нарушения расходования денежных средств), так и после 22 декабря 2016 г. (даты выявления нарушения контрольно-финансовой инспекцией Минобороны России), материалы дела не содержат.

Выяснение этих обстоятельств также имеет существенное значение для дела.

Согласно п. 12 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ “Об обороне” имущество Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов является федеральной собственностью и находится у них на праве хозяйственного ведения или оперативного управления.

Как определено ст. 11 названного Федерального закона, Вооруженные Силы РФ состоят из центральных органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей и организаций, которые входят в виды и рода войск Вооруженных Сил РФ и в войска, не входящие в виды и рода войск Вооруженных Сил РФ.

В силу раздела VI Порядка организации деятельности управлений (отделов) финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по военным округам, субъектам Российской Федерации и федерального казенного учреждения “Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации” и их взаимодействия с органами военного управления, воинскими частями и организациями Вооруженных Сил Российской Федерации при осуществлении финансового обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны РФ от 9 марта 2017 г. № 150, обеспечение личного состава Вооруженных Сил РФ денежным довольствием, денежным содержанием, заработной платой и другими выплатами производится через Единый расчетный центр, управления финансового обеспечения, организации и федеральные бюджет-

ные (автономные) учреждения Министерства обороны, которые обеспечивают начисление и выплату военнослужащим указанных денежных средств на основании копий (выписок из) приказов о назначении (перемещении, увольнении, приеме дел и должности, о поступлении на службу, установлении выплат) на воинские должности военнослужащих, изданных командиром воинской части. Зачисление воинских частей, организаций, а также отдельных должностных лиц на финансовое обеспечение осуществляется на основании решений Министра обороны РФ, заместителя Министра обороны РФ, отвечающего за организацию финансового обеспечения войск (сил).

Из изложенного следует, что командир воинской части обладает функциями по распоряжению находящимся в федеральной собственности имуществом Вооруженных Сил РФ — денежными средствами, выделенными на обеспечение личного состава вверенной ему воинской части в виде денежного довольствия и других выплат. Данные денежные средства также находятся в оперативном управлении довольствующего финансового органа — Единого расчетного центра, и их выплата осуществляется на основании соответствующих приказов командира воинской части.

Согласно ст. 75 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, командир в мирное и военное время отвечает в том числе за состояние и сохранность вооружения, военной техники и другого военного имущества; за материальное, техническое, финансовое, медицинское и бытовое обеспечение.

Таким образом, командир воинской части был обязан поставить вопрос о возмещении в судебном порядке ущерба, причиненного имуществу Вооруженных Сил РФ, находящемуся в федеральной собственности.

Однако, как следует из материалов дела, командир воинской части ограничился направлением материалов в Единый расчетный центр, который и обратился в суд с исковым заявлением.

Полагая, что такое обращение произведено Единым расчетным центром в пределах срока исковой давности, а именно непосредственно после получения необходимых для этого документов, суд оставил без внимания, что другое заинтересованное лицо — командир воинской части имел возможность обратиться в суд с аналогичным иском в пределах срока исковой давности, исчисляемого с даты устранения должностными лицами Минобороны России допущенного в 2013 году нарушения расходования денежных средств.

Уведомление командиром воинской части Единого расчетного центра о выявленном нарушении в декабре 2019 г. не может указывать на самостоятельное течение срока исковой давности для названного органа военного управления, поскольку как Единый расчетный центр, так и воинская часть входят в структуру Минобороны России, в ведении которого находится все имущество, в том числе денежные средства, выделенные на обеспечение личного состава. В связи с этим действия названных организаций, которые представляют интересы одного федерального органа исполнительной власти, связанные с выплатой и взысканием денежных средств, необходимо рассматривать в их единстве и взаимосвязи.

Следовательно, началом течения срока исковой давности следует считать день, когда любое

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

заинтересованное лицо (в том случае, если их несколько и все они структурно входят в один федеральный орган исполнительной власти) узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

То обстоятельство, что по данному делу Единый расчетный центр несвоевременно узнал о дате, с которой началось нарушение в том числе его права, указывает на ненадлежащую организацию работы в федеральном органе исполнительной власти по уведомлению всех заинтересованных лиц о причиненном ущербе и не может служить основанием для отдельного течения срока исковой давности для каждого заинтересованного лица.

При таких обстоятельствах вывод судов первой и апелляционной инстанций о соблюдении Единым расчетным центром срока исковой давности при обращении 23 декабря 2019 г. с исковым заявлением о взыскании с С. денежных средств, излишне выплаченных ему в 2013 году, нельзя признать обоснованным.

Отменяя судебные постановления, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ указала в определении, что при новом рассмотрении дела суду следует учесть изложенное и разрешить дело в соответствии с подлежащими применению к спорным отношениям нормами материального права и установленными по делу обстоятельствами.

Кроме того, суду следует учесть, что в соответствии с чч. 2 и 21 ст. 2 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ “О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат” премия за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей входит в состав денежного довольствия и при рассмотрении исковых требований о возврате ранее выплаченного денежного довольствия в качестве неосновательного обогащения подлежат применению положения подп. 3 ст. 1109 ГК РФ.

Определение № 223-КГ21-4-К10

Вопрос. Требуется ли соблюдение порядка, установленного абз. 2 п. 5 ст. 183¹⁹ Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, возлагающего на арбитражный суд обязанность направить в Банк России запрос о представлении кандидатуры арбитражного управляющего или саморегулируемой организации, из числа членов которой должен быть утвержден арбитражный управляющий в деле о банкротстве финансовой организации, в случае освобождения или отстранения ранее утвержденного судом арбитражного управляющего?

Ответ. Согласно абз. 2 п. 5 ст. 183¹⁹ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) при принятии заявления о признании финансовой организации банкротом арбитражный суд обращается в контрольный орган, который представляет суду кандидатуру арбитражного управляющего или саморегулируемую организацию, из числа членов которой судом должен быть утвержден арбитражный управляющий, в течение 7 рабочих дней с даты получения обращения арбитражного суда.

Из буквального содержания данной нормы Закона о банкротстве следует, что участие Банка России как контрольного органа в процедуре выбора арбитражного управляющего или саморегулируемой организации арбитражных управляющих предусматривается только на стадии принятия арбитражным судом заявления о признании финансовой организации банкротом.

В случае освобождения или отстранения ранее утвержденного судом арбитражного управляющего соблюдение порядка, установленного абз. 2 п. 5 ст. 183¹⁹ Закона о банкротстве, не требуется.

Выбор кандидатуры нового арбитражного управляющего в этом случае производится в соответствии с положениями п. 6 ст. 45 Закона о банкротстве.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
16 февраля 2022 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), Астахов С.В., Борисова Е.Е., Глазов Ю.В.,
Давыдов В.А., Дзыбан А.А., Журавлева Е.М., Момотов В.В., Нефедов О.Н.,
Петрова Т.А., Подносова И.Л., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В.,
Хаменков В.Б., Хомчик В.В., Шиловост О.Ю.

Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Подписано в печать 29.04.2022. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,65. Уч.-изд. л. 5,71. Тираж 7789 экз. Заказ 44-2022.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru
